

Вячеслав Вигриян

Гражданин Империи

Вячеслав Вигриян
Гражданин Империи

«Автор»

2014

Вигриян В. В.

Гражданин Империи / В. В. Вигриян — «Автор», 2014

Роман "Гражданин Империи" является первой книгой из серии "Перемещенный". Степан Махров, в прошлом предприниматель средней руки, попадает в мир, в котором непостижимым образом в целях выживания сплелись воедино три совершенно чуждых друг другу идеологии. Много, слишком много предстоит пережить главному герою в этом израненном непрекращающейся войной противоречивом мире. С какой целью сам Володарь Всемиловый Животворящий, явившись на Землю в образе впавшего в маразм старца, насильно перемещает казалось бы самого обыкновенного, ничем не примечательного предпринимателя средней руки в свои владения, чью сторону в конце-концов выберет Степан: имперцев или исконных жителей континента, сиртей, на поверку оказавшихся прямыми предками древних славян, вам и предстоит узнать из серии книг "Перемещенный".

© Вигриян В. В., 2014

© Автор, 2014

ГЛАВА 1

- Все бабы как бабы
- А моя богиня.
- На каждом заборе
- Напишу ее имя!!!

Прилипчивая, банальная до отвращения, мелодия, снова и снова буравила мозг Степана, не давая сосредоточиться ни на какой, хоть мало-мальски дельной мыслишке.

«Методика для оболванивания народных масс», – подумалось ему, но даже столь скромное высказывание утонуло в бесконечном, незыблемо накатывающем, как морской прибой, придурковатом мотиве.

– Какой козел с утра пораньше... – проскрипел было Степан и тут же пристыжено умолк: ведь песня звучала не где-то там, а зарождалась в его подсознании. Да еще и голова, стоило лишь слегка ее повернуть, просто взрывалась адской, невыносимой, но такой знакомой похмельной болью. А ведь Степану сегодня на работу. И мало того: придется оббивать пороги налоговой инспекции.

- Провались этот мир, провались в самую утробу мироздания!!!

Степан хотел было уже приоткрыть левый глаз (правый у него почему-то заплыл), но в самый ответственный момент посетили его какие-то странные, туманные воспоминания, и откуда-то из недр его невинной души в один миг поднялся отвратительный, всепоглощающий ужас. Он вспомнил вчерашний день. Во всех подробностях. Вспомнил с такой анатомической ясностью, что по телу прокатилась нервная дрожь. Ну конечно же, все дело в старом недоумке.

Старик... Он не всегда был в его жизни. Точнее – месяц назад его вообще не было. Ежедневно Степан выходил из подъезда и шел по своим делам. Иногда эти дела приносили прибыль, иногда разочарования. Иногда... В любом случае это была его жизнь.

- Как дела? – спрашиваем мы друг у друга.

– Все пучком! – и в этом одном-единственном словосочетании, если призадуматься, укладывается все наше безоблачное существование. Все пучком!

Утром Степан запирал квартиру и спускался по зашарпанным ступеням, стремясь случайно не коснуться ладонью оплеванных перил. У парадных дверей его всегда встречала черная, как смоль, кошка и, если он не забывал прихватить кусок чего-то съестного, день у нее начинался с плотного завтрака.

Старик... Он появился как-то внезапно. Вот не было его, и тут вдруг: нате, пожалуйста. Оборванный, простуженный, хрипло сипящий. Одежда чрезвычайно бедная и, тем не менее, на удивление чистая. Ботинки не расползаются по полу вонючей квашней – они тщательно начищены. Кому из вас хоть раз посчастливилось увидеть тщательно начищенные ботинки у бомжа?

Первое время Степан проходил мимо. Ну мало ли кто решил в подъезде справить нужду? Он пометит территорию и пойдет. Пойдет по своим делам, в свою жизнь, точно такую же одинокую и совершенно бессмысленную.

Но этот не шел. Он стоял в подъезде утром, стоял днем, он ничего не говорил, ничего не ел. Лишь изредка Степан слышал от него длинные, протяжные стоны. Либо просто сипение. Сипение на одной ноте. Пару-тройку раз Степан пытался с ним заговорить, но в ответ получал лишь протяжное:

- Ссссссссссссссссссссссссс.

Временами пробовал подкармливать. Еда резво исчезала (ему на радость). Так все и продолжалось некоторое время, пока Степан не уличил в хищениях свою знакомую черную кошку.

– Ну нет, – Степан тут же отмел эту, до крайности нелепую, мысль. У русского человека – и стресс? Да ни за что на свете!!! Тем более для него. Он, Степан Махров, и стресс – вообще несовместимые понятия. И мать, и учителя в школе, все в один голос твердили о его повышенной толстошкурии. Спокойствие Степана незыблемо и вечно. И не дано прошибить его ни тараном, ни очередью из АКМа. Пошатнуть его могли лишь самые зловредные исчадия Ада. Эти дети сатаны в бесконечных кабинетах с кипами ненужных бумажек, которыми побрезгует потереть зад самая занюханная псина. Бюрократы, депутаты и прочие там «мандаты» – перхоть, безмозглые черви, пожирающие самую ткань мироздания.

Нет, вовсе не стресс унял его мучительную головную боль. Это было любопытство. Простое любопытство человека, который попал бог знает куда и никак не может решить, что с этим делать. А делать что-то с этим было надо. Хотелось пить. Хотелось до чертиков. Так хотелось, что просто труба. Это прескверный господин пожаловал в гости. И имя ему в простонародье: СУШНЯК.

Боясь потревожить окружающее благолепие, Степан тихо выругался в адрес вчерашнего сотоварища, угостившего его убойным количеством армянского коньяка. Потом выругался еще раз. Просто так, для проформы. Пить не перехотелось, но на душе слегка полегчало. И так, что мы имеем? Он пошарил по карманам и с удовлетворением обнаружил в боковом кармане куртки нетронутую заначку – четыре купюры по пятьдесят долларов. Похитители (если имело место похищение конечно) отчего-то на них не позарились. В брючном же кармане весело позвякивала отечественная мелочь. Ни спичек, ни каких-либо других предметов не обнаружилось.

Надо было осмотреться вокруг. Гора, у подножия которой находился Степан, вполне подходила для этой цели. Слегка пошатываясь, он двинулся по ее покатоному склону. Подъем был легок и трудностей не составил – не приходилось даже цепляться за редкую, скрюченную кустистую поросль, там и сям торчавшую сквозь нагромождения из каменного крошева.

А вот вид с горы просто потрясал воображение. Повсюду, куда ни кинь взгляд, тянулся девственный лес. Ни пятнышка, ни проплешины. Степану, как закоренелому горожанину, довольно дико было видеть такое буйство природы. Впрочем, долой патетику, ее и на потом можно оставить. Положение то не из приятных, поневоле заставляет призадуматься. Как там говорила незабвенная Надежда Александровна, учительница младших классов и вообще просто приятная женщина? Правильно: вода – это жизнь. А куда идти? Туда, где вода. А где вода? Он еще раз более тщательно осмотрел окрестности: не блеснет ли где сквозь кроны речная либо озерная гладь? Но нет. Ничего похожего и в помине не было. А, значит, придется наобум топтать. Куда? Да вот хоть туда, куда сейчас единственный не заплывший глаз смотрит.

Степан оторвался от созерцания окрестностей и неспешно двинулся в выбранном направлении. Идти было на удивление легко: трава в этом царстве древесных исполинов крайне редко достигала колен. Кое-где, конечно, виднелись непролазные заросли колючих кустов, но такие места он благоразумно обходил стороной. Солнце уже палило вовсю – не иначе, как наступил день. Теплый летний воздух, стрекотание мириад кузнечиков расслабляли, приглашая сделать остановку, прилечь на мягкий, пружинистый ковер из сочной растительности. Степан бы так и поступил, пожалуй, если бы не жажда. Жажда упрямо гнала его вперед. Пусть не бегом – ибо измученный организм тотчас же начинал протестовать, но довольно таки резвым, пружинистым шагом.

Мысли в голове крутились самые разные. Например, Степан никак не мог вспомнить, выключил ли он свет в ванной, и это изрядно выводило его из равновесия. Далее мысли перескочили почему-то на старого бомжа. Интересно, он все так же продолжает вести в его подъезде бессрочную вахту? И похитители... Нет, не было никаких похитителей. Он отчетливо вспомнил цепкую руку деда у себя на предплечье и его безумный взгляд, прожигающий дорогу в самую глубь замершей в ступоре души. Что-то произошло в тот миг. Что? Степан не знал, но

чувствовал, что было это что-то крайне важное. Нечто, что поставило жирную точку на всей его прошлой жизни.

Лес тем временем становился все гуще. Стали попадаться новые деревья. Ранее лес был преимущественно сосновым, лишь кое-где вековые дубы вздыбливали свои царские вершины, мощными ветвями раздвигая более хлипкие сосны. Теперь же деревья встречались чаще лиственные. Некоторые из них он знал. Некоторые (а с каждым шагом таких становилось все больше) не были похожи ни на что, ранее виденное им в прошлой жизни. Странная форма листьев, непонятные желтоватые вкрапления, хаотично рассыпанные по бугристым стволам, занимали мысли Степана все больше, заставляя всерьез задуматься – это в какую же часть земного шара его занесло?

Под туфлями противно захлюпало. Неужели вода? Болото? Нет, скорее какая-то вязкая, неглубокая топь. Он выдернул ногу и ложбинка немедленно заполнилась мутноватой водой. Это уже кое-что. Встав на колени, Степан наклонился и сделал небольшой глоток. Вода как вода. Особенно, если не думать о том, какие микроорганизмы нашли в ней свое пристанище. Наплевав на все мыслимые и немыслимые правила гигиены, он напился вдоволь и всерьез пожалел, что не прихватил с собой хоть какую-то флягу.

– Хенде Хох!!!

Что-то холодное с силой надавило на затылок, заставив наклонить голову к самой земле – к той ложбинке, из которой он только что так беззаботно пил.

– Дир партизанен?

Праматерь божья!!! Розыгрыш? Степан попытался повернуть голову, сиюсья рассмотреть обнаглевшего шутника, но мощный пинок по мягкой точке заставил повторно уткнуться носом в землю.

– Найн, ниht партизанен! – выдохнул он, судорожно пытаясь извлечь из памяти хоть пару-тройку немецких слов.– Ниht партизанен, яволь, герр хер майор!!!

Похоже, вся эта словесная абракадабра возымела таки свое действие. Дуло автомата (или что там у него было) слегка отодвинулось, одарив счастливой возможностью выдернуть лицо из медленно, но верно наполняющейся водой выемки.

– Ниht партизанен,– липкий, противный страх постепенно растворялся.

– Ниht партизанен...– обладатель голоса, похоже, не на шутку расстроился.– Русиш?

– Русиш,– повторил Степан послушно.

Невесть откуда взявшиеся двое парней в форме солдат вермахта подняли его в горизонтальное положение и развернули лицом к говорившему. Короткоствольный автомат в руках немца уже торчал не у Степанового затылка, а дипломатично направлен куда-то в сторону.

Пленивший Степана немец оказался молодым парнем, лет двадцати трех – двадцати пяти. Худое интеллигентное лицо, очки в тонкой золотой оправе. Мышиного цвета плащ расстегнут, под плащом виден новехонький, с иголочки, мундир. Ноги в высоких кирзовых сапогах широко расставлены, узкая впалая грудь горделиво выгнута колесом, в общем, типичный фриц, словно живьем сошедший с киноленты военных лет. Фашист почему-то улыбался. Гаденько так, одними уголками губ, в то время как двое державших Степана парней рьяно ощупывали его карманы, вытряхивая из них скромное содержимое: рублей эдак пятнадцать мелочью, да длинный чек из продуктового супермаркета. Все находки тщательно изучались главарем, кривая улыбка которого с каждой минутой становилась все гаже.

Добрались таки и до его заначки. Степан дернулся было, отчаянно желая спасти кровно заработанные баксы, но ствол автомата худого недоросля предупреждающе нацелился в живот. Он даже прищелкнул языком от восторга, донельзя довольный произведенным эффектом. Немец явно развлекался. Видать, в этой глуши с развлечениями было туговато. Не спеша, даже чуть брезгливо, он поочередно разглядывал баксы, зачем-то нюхал, скручивал, затем тщательно сверил год выпуска каждой купюры и, более того, даже записал их в блокнот. У Степана

не было никаких сомнений в том, что немец, будь на то его воля, промурыжил бы пленника до самой смерти, но вдруг широченные кусты прямо у него за спиной раздвинулись, и из них высыпало штук пятнадцать мужиков. Все, как один, бородатые, заросшие, со всколоченными шевелюрами и выпученными от усердия глазами. Позади еще двое таких же ханыг волочили пулемет безбожно устаревшей конструкции. Степан в детстве видал такой в краеведческом музее. Назывался он вроде бы «Максим», имел щит, прикрывающий от пуль, да пару колес – чтоб сие тяжеловесное чудо можно было катить по земле. Одеты они были как попало: кто в полинявшей гимнастерке и ярко-алых галифе, кто в холщовой рубахе до колен, из-под которой вызывающе торчали волосатые ноги, некоторые так вообще попросту нацепили на себя немецкие мундиры. Трофейные, надо полагать. Объединяло всю эту новую компанию лишь одно: ярко-алые ленточки, нашитые на обшлагах рукавов.

– Мужики, я свой!!! Сво-ой!!! – заорал Степан дурным голосом, моля Господа только об одном: лишь бы не зацепила его шальная пуля, лишь бы не коснулась чела костлявой дланью смерть-злодейка.– Смерть фашистским оккупантам!!!

Трое фашистов, с которыми Степан только что имел личную беседу, аж присели от его крика, а затем, словно опомнившись, синхронно развернулись к атакующим и... И тут Степану показалось, что он сходит с ума.

– Тух-тух-тух-тух-тух!!! – дергались в руках автоматы фашистов.

– Тра-та-та-та-та!!! – отвечал им пулемет «Максим». Это двое мужиков в арьергарде партизанской колонны мгновенно среагировали, направив его на врага. Остальные партизаны залегли и ответили таким плотным огнем, что у него едва не заложило уши.

– Пхххх... – к его ногам плюхнулась граната, и Степана медленно повело в сторону. Вот сейчас, сейчас...

Но все же что-то было не так. НЕПРАВИЛЬНО. Он провел взглядом по искаженным в боевом запале лицам. Оружие дергалось в их руках, но не было выстрелов! Выстрелы воспроизводили их губы. А граната? Граната и не взорвется. Вон у нее чека на месте, не выдернута.

– Разыграли, ссуки, – сказал он беззлобно, наклонился, подобрал гранату (обычная эфка), и взялся за чеку. И тут, словно по мановению волшебной палочки, наступила тишина.

– Отставить! – донеслось откуда-то со стороны партизан, а затем заговоривший поднялся и напрямик направился к Степану.

Мужик выглядел вполне прилично. В чистой, хоть и выдавшей виды гимнастерке с аккуратно подшитым белым воротничком, военного покроя брюках. Не стар, но и не молод. Паутина тонких морщин у карих глаз, приземистый, смуглолицый, слегка полноват. Подходил он спокойно, не спеша, словно не замечая гранату в руках Степана. Степенно протянул руку для рукопожатия.

– Старший лейтенант Коваль, взводный партизанского отряда имени товарища Дзержинского, – и, увидев весьма красноречивый взгляд своего оппонента в сторону немцев, поспешно добавил: – Советской Империи Рейха.

Если бы на Степана упала сейчас каменная плита весом в полторы тонны, а по ногам, весело полязгивая траками, прокатилась парочка Т-90-ых, вряд ли бы это произвело хоть какой-то эффект. Степан застыл. Глаза его безотрывно уставились на Ковалю.

– Какой сейчас год? – наконец смог вымолвить он.

– Все тот же. Две тысячи четырнадцатый.

Старлей откровенно развлекался. Развлекались все. Но как-то беззлобно, доброжелательно. Похоже, появление Степана их ничуть не удивило. Серьезным оставался лишь немецкий офицер, но давалось ему это явно с трудом.

– Давай так, – командир партизан, что представился Ковалем, вытащил гранату из ослабшей руки Степана. – Ты идешь с нами, добровольно. А по дороге поговорим. Узнаешь, что почем и на каком ты свете.

– Хотелось бы,– напряжение, овладевшее им при встрече с этой разномастной компанией, потихоньку сходило на нет. От этих ребят не веяло опасностью, он бы это обязательно почувал.

– Уходить бы надо, Игнатич,– подал голос седовласый мужик в тельняшке. Неровен час подстерегут нас тут, все поляжем.

Коваль молча кивнул. Кивок его послужил негласным сигналом – отряд чуть ли не мгновенно выстроился в колонну по три и втянулся в заросли, из которых так эффектно появился в свое время перед Степаном. Замыкала колонну троица немцев. Степан же оказался ближе к середине. Он шагал в ногу с парой плечистых мужиков хохлятской наружности. Чем-то они были между собою схожи – краснолицые крепыши, челки с пробором, глаза хмуро глядят из-под кустистых бровей. За плечами винтовки.

Веселье, вызванное появлением Степана, стухло сразу.

– Мужики,– Степан говорил тихо, ему тоже передалась негласная тревога окружающих.– Вы можете объяснить что здесь происходит?

Один из братьев, как их мысленно окрестил Степан, нехотя откликнулся:

– Отчего же не мочь? Можем. Ты вот...– прокуренный палец указал на Степана.– Был дома, а потом упал к нам. Из другого мира, значит, выкидыш.

– Какой выкидыш?

– Ну выкидыш из другого мира, перемещенец,– добавил другой «брат».– Много вас тут к нам падает. Потому и патрулируем, значит.

Степан задумался. Выходит, человек может выпасть из своего мира и попасть в другой. В данном случае – в этот.

– Есть два мира. Наш и твой,– продолжал между тем второй «брат», словно подслушав мысли Степана.– Твой мир людей выкидывает, выкидывает в наш. А наш мир никого не выкидывает.

– А почему мой мир выкидывает? И почему именно в ваш?

– Ну дык...– старший из братьев, который шагал по левую руку от Степана, призадумался.– Как бы тебе это половчее объяснить? Вот, допустим, я – твой мир. А Калистрат,– он мотнул головой в сторону второго «брата»,– наш. Я, то есть твой мир, отношусь к тебе хорошо, тебе нравится у меня жить. Ты делаешь полезную работу, занимаешься любимым делом. За это тебе платят. И жена у тебя красавица-рукодельница, и дети не промах, и все в твоей жизни хорошо и красиво. А вот ежели не понравился ты мне, не сошлись мы, так сказать, характерами – значит все с точностью до наоборот будет.

– И что? – не понял Степан.

«Брат» ухмыльнулся в усы:

– Значит жить тебе у меня станет неуютно и захочется тебе, дружок, бежать от меня куда подальше. Таких вот «бегунов» я, твой мир, из себя и выкидываю.

Отряд медленно, но верно продвигался по лесной чащобе, обходя стороной наиболее непролазные дебри. Повстречалась и небольшая топь – наподобие той, которую встретил Степан, еще будучи в одиночестве. Ни лесных троп, ничего такого и в помине не было. А может и были, но отряд сознательно обходил их стороной, опасаясь напороться на каких-то своих, неизвестных Степану врагов.

– А звать то тебя как, мир?

– Меня-то? Иваном кличут. А его вон,– Иван указал на соседа помоложе,– Калистратом.

– Да догадался уже,– Степан добродушно усмехнулся. А вот скажи мне, Иван, чем я не приглянулся своему миру? Я успешный предприниматель. Квартира, машина, деньги. Не так, чтобы совсем много, но на нормальную жизнь хватает вполне.

– Вон пусть тебе Калистрат рассказывает. Он сам выкидыш.

– Да когда же это было, Иванко? С того времени годков пятнадцать как прошло.

Калистрат извлек из-за пазухи кисет и ловко, не сбавляя хода, скрутил самокрутку. Затянулся, выпустил сизоватое облако через правое плечо, и нехотя продолжил:– Я из мира ушел. Сам. Как родителей не стало, так и ушел. Понимаешь, такая тоска взяла, хоть волком вой. Возненавидел я свой мир. Возненавидел с такой лютой, неистовой силою, что вытолкнуло меня из него, как пробку из бутылки.

Замолчали. Шли, приминая тяжелыми кирзачами травяную поросль. Из всего отряда один Степан брел налегке, без оружия, щеголяя белыми, в синюю полоску, кроссовками фирмы «Reebok». Невеселые думы витали у него в голове. Вот он, Степан, любил ли он свой мир? Ответ отрицательный. Нет, не любил. И не ненавидел. Скорее презирал. За народ, который опустился до уровня стада, за продажных политиков, которых выбирал все тот же народ. Презирал за взяточников, бюрократов, наплодившихся словно грибы после проливного дождя. Презирал – и ничего сделать с этим не мог. И не делал. Не для кого было делать. В том мире всех все устраивало. А может быть боялся? Боялся, что затопчут, раздавят его бизнес, а вместе с ним и сытую, почти беззаботную жизнь? Вот это, пожалуй, было правдой. Хотел он уйти прочь из этого мира? Ответ положительный. Хотел. Очень хотел. На бессознательном, животном уровне. Хотел исчезнуть, испариться с гниющего остова агонизирующей твари – ЕГО мира. «А дед?» – вклинилась посторонняя мысль. Тот бомж у подъезда? Кто знает, вполне возможно, что он был просто сумасшедшим, а прикосновение его к Степану послужило лишь своеобразным катализатором, инициировало рывок? Степан брел, понурившись, целиком и полностью погружившись в свои мысли.

Внезапно с головы колонны послышалась брань, затрещали кусты. Что-то огромное ломилось сквозь них наперерез маленькому отряду. Люди мгновенно рассредоточились, залегли. Степан упал, где стоял, неловко ткнувшись лицом в траву. Рядом сухо щелкнул затвор старенькой «трехлинейки» – это Калистрат примостился неподалеку за кустом бузины. Краем глаза Степан успел заметить какую-то тень и тут же прозвучало несколько скупых выстрелов. Нечто огромное пронеслось по инерции еще несколько шагов и грузно упало, едва не похоронив под собой одного из стрелков. Стрелок, молодой юнец кавказской наружности, едва успел откатиться в сторону и тут же, стремглав бросился к своей добыче, прицокивая языком от удовольствия.

Туша лежала не шевелясь. Заинтересованный донельзя Степан, а за ним и все остальные члены отряда, подтянулись к ней и обступили со всех сторон.

– Швайн! – с чувством произнес один из немецких солдат.

Это и впрямь был «швайн». Но какой «швайн»!!! Свинья, а точнее кабан-секач, воистину невероятных размеров, даже будучи мертвым внушал немалое уважение. Степан не мог поверить своим глазам – ведь свиньи из его мира, даже самые крупные, не могли тягаться по размеру с этим лесным исполином. В холке кабан был ростом в аккурат со Степана (а это метр восемьдесят шесть, почти два!!!), а уж вширь... Вширь его грудная клетка давала фору Степановой как минимум вчетверо.

Пока Степа, раззявив рот, смотрел на это чудо природы, вокруг кабана уже кипела работа. Под чутким руководством двух командиров – партизанского старлея Ковалея и унтерфельдфебеля Рольфа Вегенера (того самого молодого интеллигентного немца, пленившего Степана) кабан был тщательно разделан, расфасован по девятнадцати мешкам защитного цвета, снабженных толстыми заплочными лямками. Один из таких мешков и был вручен все еще слегка обалдевшему Степану. Тот хотел было возмутиться: дескать, я человек тут новый и таскать вашего вепря не нанимался, но вовремя прикусил язык, заметив, что по точно такому же мешку досталось абсолютно каждому, включая руководящий состав.

– Дай помогу, – старший из «братьев», Иван, подхватил мешок, сноровисто водрузил его на плечи Степана и помог просунуть руки в лямки. Мешок, с виду такой громоздкий, в принципе нести было довольно терпимо. Не нравилось Степану одно: стойкий «аромат» свежего

мяса прямо из-за спины. Похмельный синдром хотя и пошел на убыль, нет-нет, да и давал о себе знать приступами тошноты.

Отряд целеустремленно пробирался по лесу. Без остановок и перекуров. Люди как заведенные брели себе и брели. С разморенными, потными от жары лицами, с гимнастерками, прилипшими к полусогнутым спинам. Шли теперь уже в полной тишине, под жаром полуденного солнца, пробираящим даже сквозь плотный покров зеленой листвы. Под стрекот кузнечиков и пиликанье неизвестных птиц. На разговоры не было сил. Не было сил и на мысли – и это оказалось очень кстати. Мозг Степана просто устал от обилия новой информации.

Ближе к вечеру, наконец, стали заметны первые признаки человеческой деятельности. В лесу кое-где виднелись срубленные пеньки, иногда попадались напиленные метровые бревна, уложенные аккуратными штабелями. Еще через полтора часа лес поредел и сквозь просветы заблестела полоска речной глади.

– Малая Виска, – показал в сторону реки Калистрат.

Степан так и шел между двумя «братьями». Чем-то они внушали ему симпатию – эти два крепких, приземистых парня. На лицах их была написана усталость и вместе с тем какое-то твердое, железобетонное упорство.

– Есть еще и большая? – сыронизировал Степан.

– А как же? Есть, – степенно произнес Калистрат. – И средняя есть.

Шедший слева Иван молчал, механически переставляя ноги и думая о чем-то своем.

– Вообще-то это одна и та же река – Виска. А у ней три рукава. Вот их и кличут: Большая, Малая и Средняя Виска. А начало она берет в Арарате.

– Где-где?

– В Арарате. Гора такая. Ледники тают, собираются в ручьи, а ручьи уже питают Виску.

– Даааа, – Степану вспомнился свой родной мир. Там была гора с точно таким же до боли знакомым названием.

– Скоро на месте будем.

Калистрат оказался прав. Не прошло и десяти минут, как отряд покинул лесную опушку и зашагал по широкой тропе, минуя большое возделанное поле. Один из поворотов тропы вел напрямик к реке.

Вскоре показалась и сама река – быстрый мутноватый поток шириною метров в пятнадцать нес свои воды вдоль поросшего мелким ивняком топкого берега. Ближе к берегу виднелось длинное бревенчатое строение с пулеметом на крыше и парой солдат, а чуть дальше, у самой реки, небольшой причал. Что было к нему пришвартовано – Степан поначалу даже не понял, и лишь когда отряд подошел совсем близко, наконец сообразил: да это же самый обычный плот! Безо всяких изысков – просто груда связанных промеж собою стволов. Причем бревна даже не потрудились как следует обтесать – там и сям торчали разномастные сучки и даже мелкие побеги. Там же, у причала, примостилась и небольшая сторожка, и стол, за которым восседали на деревянных чурбаках три бойца вермахта во главе с толстым щекастым роттенфюрером.

Стол был уставлен нехитрой снедью: раскрытые консервы с тушенкой, вареная картошка, столбцы ювелирно нарезанного сала ровными рядами возлежали на длинном расписном блюде. И свежайший хлеб, ароматный запах которого доносился даже сюда, до Степана. Только теперь он вспомнил, что за день, вообще то, ничего и не ел. А когда узрел на столе еще и маринованные огурчики, то и вовсе потерял голову.

– Партизанен! – роттенфюрер улыбнулся, слез с чурбака и, придерживая рукой объемистый живот, подошел к отряду.

Бойцы, не дожидаясь команды, торопливо сдергивали надоевшие рюкзаки с мясом вепря, укладывали их прямо на небольшой плац перед пирсом и стремительно, все как один, направлялись к ранее виденному Степаном длинному строению, которое на поверку оказалось самой

настоящей столовой. Солдаты же из компании роттенфюрера поднялись и занялись переноской мяса к торцу здания. Похоже, там находилась кухня. Стоять на плацу остались лишь сам роттенфюрер, старлей Коваль, да унтерфельдфебель Вагенер. Ну и Степан, естественно, любопытство которого оказалось намного сильнее голода. Ну где еще можно увидеть, как фрицы радушно встречают изголодавшихся партизан?

Вся троица беседовала на немецком. Ясен пень, Степан не понимал ни слова – лишь пялился по сторонам, да переминался с ноги на ногу. Внезапно его позвали. Тот самый, толстый фриц.

– Кон цу мир, Иван! Путем есть с тобой сало, масло, яйца. Путем пить шнапс и петь русски песня!

Степан не ломался. Да и чего ломаться то? Вчетвером они направились к столу роттенфюрера. Откуда-то, словно из воздуха, возник двухлитровый бутыль шнапса и четверка граненых стаканов. Первый тост выпили стоя: за здоровье матушки-императрицы, за фюрера Вебенбауэра и товарища Потоцкого. Что это за личности, Степан, конечно же, не знал. Затем выпили за прекрасных фройляйн. Третий тост дернули за тех, кто не с нами. Ну а потом пошло-поехало: пили за родственников и друзей, пили за каких-то сиртей, чтоб они все, одним махом, взяли да сдохли, потом еще за что-то пили... Степан не особо пытался вникнуть за что – ведь пьют, по сути, вовсе не ради тостов.

Вообще-то, роттенфюрер слегка лукавил – толстяк русский язык знал в совершенстве. Да и Рольф тоже. Они, в принципе, этот факт впоследствии и не старались скрыть, и даже просветили Степана на данную тему. Оказывается, в Советской Империи Рейха все немцы, от мала до велика, прекрасно говорили на русском, а русские, в свою очередь, на немецком. И вообще, страна то одна. Так, по сути, и должно быть! Степан многое хотел от них узнать. И обязательно узнал бы, не будь он сейчас настолько пьян. Последней разумной мыслью, перед тем как голова его поникла на стол, было: не забыть спросить Ковалья, как вообще в их мире умудрилась появиться ТАКАЯ страна.

Утро встретило Степана ярким солнечным светом. Летом всегда так бывает. Вот, казалось бы, и спать хочется, но если уж ты с вечера не озаботился задернуть шторы, будь готов к тому, что едкие, назойливые словно туча комаров, солнечные лучи, будут атаковать твои очи. И сколько бы ты ни кутался в одеяло, сколько бы ни крутился, ни сунул голову под подушку, скрыться от них попросту невозможно. Вот и Степан в конце концов сдался. Сдался – и обнаружил себя лежащим в койке в одних трусах. Рядом с койкой, на колченогом казенном табурете лежала его одежда, сложенная аккуратной стопкой. Кроссовки тоже куда не делись – смирно стояли себе под кроватью, ожидая пробуждения лежебоки-хозяина.

Комната, в которой пробудился Степан, оказалась самой что ни на есть обычной казармой: по обеим сторонам койки в два яруса, посреди них проход. Не широкий и не узкий, а именно такой, как положено. Ближе к выходу обнаружился и дневальный – тот истуканом стоял у трех флагов. И не надо иметь семи пядей во лбу для того, чтобы догадаться, что это за флаги. Единственным, пожалуй, отличием от всех казарм, виденных Степаном, было наличие у здешней внушительных размеров печки. Похоже, в этом мире с централизованным отоплением довольно серьезные проблемы.

Не считая дневального и Степана, казарма была абсолютно пуста. Койки, все как одна, идеально заправлены. Он неторопливо оделся, зашнуровал кроссовки, и, не желая выглядеть белой вороной, тщательно заправил свою.

Как Степан оказался в казарме? Один Бог ведает. Шнапс этого мира оказался слишком силен даже для тренированного на нескончаемых корпоративах Степанового организма. Последнее, что он помнил – как слегка, самую малость, прикорнул за столом в обществе двух немцев и какого-то старлея. Кажется, Ковалья. Ну да черт с ним. Надо что-то делать, не век же сидеть в казарме, наслаждаясь казенным одиночеством.

Дневальный в форме войск вермахта отсалютовал ему поднятой вверх рукой, чему он, откровенно говоря, ничуть не удивился.

– Хайль,– произнес Степан и хотел было уже пройти мимо.

– Вам письмо,– дневальный извлек треугольный конверт из бокового кармана кителя, вручил Степану и отсалютовал еще раз.

Вид, что открылся с веранды казармы, ничуть не походил на виденный им вчера. Ни столовой, ни плота, ни причала не было и в помине. Степан находился на территории воинской части. Однотипные одноэтажные здания под «шубой» выкрашены в белый цвет, аллеи меж ними вымощены камнем. А еще в глаза бросается чертова прорва стриженных кустов, окаймляющих как аллеи, так и сами здания.

Степан спустился с веранды и, завидев первую попавшуюся беседку, присел на прохладную скамью. Вскрыл письмо. В письме Степану (вместо фамилии стоял прочерк) настоятельно рекомендовалось посетить местную комендатуру. Чуть ниже указывался и адрес: улица Буденного, кабинет номер двенадцать. Решив не медлить (мало ли какие у них тут могут быть порядки), он тотчас же отправился на поиски искомого объекта.

Здание комендатуры почти ничем не отличалось от прочих. Лишь пара часовых да небольшая металлическая табличка у входа помогли не пройти мимо. Часовые, мазнув взглядами по нездешнему прикиду пришельца, пропустили сразу. В кабинете с указанным номером его ожидал приятный сюрприз: за письменным столом восседала весьма и весьма миловидная девушка типично славянской наружности. На девушке был все тот же немецкий мундир, причем сидел он на ней просто великолепно. Точеная фигурка, теплые карие глаза. Нежная, чуть смугловатая кожа без единого намека на косметику и чуть-чуть, самую малость, вздернутый носик. У девушки был настолько жизнерадостный вид, что на лицо Степана невольно, сама по себе, напознала идиотская улыбка, а настроение из черного похмельного поднялось до самых невероятных высот.

– Ух ты!!! – вырвалось у него и он застыл у двери, раззявив рот и не в силах отвести взгляд от прекрасного видения.

– Присаживайтесь, пожалуйста,– девушка указала на стул и приветливо улыбнулась.

– Спасибо.

– Меня зовут фройляйн Катрин. А вы, надо полагать, тот самый вчерашний найденыш?

– Тот самый,– Степан рассмеялся. По комплекции он больше походил на слона, но уж никак не на какого-то там «найденыша».– Степан Махров, тридцать два года, не женат, вредных привычек не имею.

– Аха-ха! Так уж и не имеете? А кого вчера привезли пьяным в стельку? – миниатюрный пальчик обличающе уставлялся Степе в грудь.– Сейчас я буду заполнять вашу анкету. Большая просьба: отвечайте на поставленные вопросы четко, сжато. И не вздумайте лгать. За дачу ложных показаний у нас по закону предусмотрена смертная казнь.

Сурово. Степан передернул плечами. Впрочем, лгать он и не собирался. Минут двадцать девушка забрасывала его вопросами: какими видами спорта занимался в своем мире, служил в армии или нет. Если служил – то в каких войсках. Кем работал? Знаком ли с кузнечным делом? С сельскохозяйственными видами деятельности? И прочее, и прочее, и прочее...

На все вопросы Степан отвечал степенно и обстоятельно. Особое внимание девушка уделила тому, приходилось ли ему работать на каких-либо должностях в госструктурах – мэрии, налоговой инспекции, министерстве и, в конце концов, так загоняла своими вопросами Степана, что тот не выдержал:

– Катрин, какая разница? Если говорить начистоту – все без исключения госструктуры я, мягко говоря, недолюбиваю.

– Ну вот и отлично! – Катрин облегченно вздохнула и позволила себе вымученно улыбнуться. – На этом допрос окончен и вы, Степан Махров, отныне по праву считаетесь гражданином Советской Империи Рейха.

Затем она нажала на какую-то невидимую кнопку и прямо из столешницы выехал тонкий продолговатый цилиндр. Девушка протянула к нему ладонь и нажала еще одну кнопку на скрытом пульте. Что-то в цилиндре мелодично звякнуло, а на ладошку Катрин упал черного цвета кругляш.

– Ваш аусвайс. Он практически не разрушим, однако я не советовала бы бить по нему молотком либо подвергать воздействию высоких температур – свыше восьмидесяти градусов по Цельсию. И не терять. Конечно, информацию всегда можно восстановить, но данная операция значительно пошатнет ваш годовой бюджет.

Кругляш, который теперь переключался в руку Степана, величиной был с таблетку аспирина и почти ничего не весил. На одной из его сторон выгравирован серп и молот, на другой красовалась во всей своей красе фашистская свастика.

– И все? Никаких документов?

– Это и есть ваш документ, – Катрин убрала упавшую на глаза прядь. – Аусвайс представляет собой информационную капсулу, в которой содержится весь перечень данных о вас, как о субъекте СИР, также через него проходят все ваши финансовые потоки, включая начисления по заработной плате, и автоматически изымается налог в размере десяти процентов от общей суммы.

– Немало! – Степан даже присвистнул.

– Да, немало, – с готовностью согласилась Катрин. – Но имейте в виду: государство находится постоянно в состоянии войны с самого начала его основания. А война, Степан, требует довольно высоких финансовых затрат.

С такой логикой просто невозможно было не согласиться.

– А с кем воюем, если не секрет?

– А никакого секрета! – Катрин белозубо улыбнулась. – Воюем с кочевыми племенами сиртей.

– И кто кого?

– В последнее время они нас. Ежегодно территория государства уменьшается на ноль целых три десятых процента.

– С ума сойти.

Степана крайне заинтересовало, что же из себя представляют эти сирти. Он никак не мог взять в толк: каким образом вооруженная до зубов огнестрельным оружием русско-немецкая армия умудряется год за годом проигрывать в войне с какими-то кочевниками.

Катрин словно прочитала его мысли:

– Не забивайте себе голову. Любые интересующие вас сведения можно узнать в терминале информационного центра. Давайте лучше поговорим о вас.

– А что обо мне говорить?

– Ну, например, давайте поговорим о том, чем вы будете заниматься в нашем мире. Судя по вашему досье, вы ни на что не годитесь.

– Это еще почему? – Степан не на шутку обиделся.

– Вы закончили институт связи, затем устроились работать по специальности. После двух лет работы ушли в бизнес.

– Ну да, – встрял Степан. Жить то как-то надо было. На инженерную зарплату особо не пожируешь.

– Поясню по порядку, – Катрин поднялась со стула, наклонилась к Степану и, глядя ему прямо в глаза, едва ли не по слогам произнесла. – Первое: институт связи. Связи в том понимании, которое вы вкладываете в это слово, у нас не существует. Второе: предприниматель-

ство в нашей стране не особо приветствуется. Понимаете ли, у нас не считается престижным заниматься торговлей в то время, как люди гибнут на фронтах за то, чтобы вы смогли сделать лишний вдох.

Говорила она спокойно, без эмоций, но каждое слово, словно хлыстом, стегало душу Степана, заставляло его краснеть все больше и больше.

– Катрин,– произнес он, когда девушка закончила тираду и села на свое место.– Скажите, я вообще ни на что не годен?

– Вы служили в дивизионной разведке. Это уже кое-что. Но даже с таким багажом путь в регулярную армию для вас заказан. Поймите, наши дети начинают постигать искусство войны с восьми лет. Есть, правда, партизанские отряды...– она с жалостью посмотрела на Степана и, закусив губу, примолкла.

Зато у него чуток отлегло от сердца. Он еще знал слишком мало, практически совсем ничего ни о людях, ни о стране, в которой он оказался, но те люди, с которыми его уже успела свести судьба, были ему глубоко симпатичны. Люди эти были чисты... Чисты той первозданной чистотой, которая может возникнуть только в случае смертельной опасности, когда лишь вовремя подставленное дружеское плечо может помочь избежать неминуемой смерти.

– Катя, Катюша, Катрин. Я согласен. Давай, пиши меня к партизанам,– произнес Степан и на душе его сразу же стало легко и спокойно. Пожалуй, впервые с того самого времени, как он попал в этот запутанный, странный, невероятный, но вместе с тем такой притягательный своей новизной мир.

Катрин сидела все в том же кресле, подперев скулу маленьким кулачком. В глазах ее читалось уважение и что-то еще. Какая-то тихая грусть.

– Степан, понимаешь...– казалось, она не знала, как правильно сформулировать свою мысль.– Служба в партизанских отрядах опасна. Очень. Процент смертности у них в разы выше, чем в регулярных воинских подразделениях. Ты уверен что этого хочешь?

– Абсолютно,– он заставил себя беспечно улыбнуться. К чертям сомнения, когда решение уже принято.

– Тогда придется немного подождать. Я должна подобрать тебе пустую вакансию и поставить на довольствие. Также, на твой аусвайс будет перечислена некоторая сумма денег – это финансовая помощь, предусмотренная для таких случаев, как твой.

– Много было таких случаев?

– Не очень. Последний сильный наплыв эмигрантов произошел еще во времена Великой Отечественной Войны.

– Хорошо, я подожду. Когда мне можно будет подойти?

– Через полчаса. А пока, если хочешь, можешь погулять по территории, у нас тут очень красиво.

Насчет красоты Степан сильно сомневался. Ну что может быть красивого в казенной однотипности военного городка?

– Спасибо,– он хотел было уже выйти, но задержался у порога.– Катрин, а имеет ли право будущий партизан пригласить понравившуюся ему девушку в ресторан? За это его не расстреляют?

– Нет! – Катрин залилась звонким мелодичным смехом.– Не расстреляют. Вот только у будущего партизана пока нет ни копейки за душой!!!

– Ничего, мы подождем!

Довольный, как слон, Степан выбрался из кабинета и в мгновение ока оказался у выхода комендатуры. Пара часовых бросила на него удивленные взгляды. Видок у него, видать, был совсем обалдевший.

На «красоты» военного городка смотреть совсем не хотелось и Степан сразу направился к ближайшей беседке. Местное светило припекало уже всю, рубашка, мокрая от пота, то и

дело норовила при каждом шаге прилипнуть к спине. К счастью, в беседке было чуток попрохладней. В ней он и осел, мысленно отсчитывая минуты да глядя в пространство парой воспаленных от недосыпа глаз.

За время отсутствия Степана в кабинете Катрин решительно ничего не изменилось. Девушка все также сидела за громоздким письменным столом и, смешно сморщив носик, придиричливо разглядывала себя в маленькое круглое зеркальце.

– Вот, возьми. Это свод законов. Выучи наизусть и не вздумай нарушить. Незнание закона не освобождает от ответственности.

Степан только сейчас заметил лежащую перед ней листовку.

– И еще... на твой аусвайс зачислена сумма в размере трехсот рублей. Немного, но вполне достаточно на первое время... – затем она встала и уже торжественно произнесла:– Степан Махров, вы официально зачислены рядовым в партизанский отряд имени Ковпака!

Степан вытянулся по стойке смирно, неловко козырнул и совсем уже некстати гаркнул:

– Служу Советскому Союзу!!!

– На этом официальную часть попрошу считать законченной,– в глазах девушки заплясали озорные огоньки.– Можете приглашать свою даму куда хотите.

Степан не заставил себя долго ждать:

– В таком случае, сударыня, не соблаговолите ли вы пойти со мной в ресторан? Время и место можете выбирать сами.

– Соблаговолим,– Катрин игриво повела узкими плечиками.– Только у нас принято говорить не сударыня, а фройляйн.

– А почему не фрау?

– Ну хотя бы потому, что я не настолько стара и не замужем. Если бы вы меня назвали фрау, боюсь, пришлось бы применить табельное оружие.

– Прошу прощения. Так когда же мы сможем встретиться?

– Я заканчиваю после шести. А встретимся мы в «Пальмовой ветви». Там подают отличное жаркое.

– И как я смогу ее найти?

– Да просто спроси. Каждый знает, где находится «Пальмовая ветвь». А теперь иди,– Катрин сунула ему в руку листовку и чуть ли не силком вытолкала за дверь.

Степан медленно брел по одной из центральных улиц военгородка и тихо ругал себя за то, что не расспросил как следует девушку о том, как пользоваться аусвайсом. Есть хотелось невыносимо. А еще больше – пить. Нет, до шести он точно не протянет. В конце концов муки голода победили, и он свернул в первую попавшуюся забегаловку с абсолютно нечитабельным названием на немецком языке.

– Мне бы поесть чего,– обратился он к тощей чопорной официантке.

– Я бы посоветовала шверинский сырный суп на первое или гороховый суп с копчеными ребрышками. На второе есть хек, запеченный с картофелем. Могу еще предложить тушеную капусту с сардельками или свиную голяшку по-баварски.

– Давайте сырный суп и хек с картофелем. И воды.

Степану отчаянно хотелось бахнуть холодного пивка, но предстоящее свидание с девушкой напрочь лишало его этой приятной возможности. Не хватало еще дышать на Катрин перегаром!

Шверинский сырный суп на поверку оказался самой настоящей дрянью. Было в нем и молоко, и сыр, и бульон, и чертова прорва лука. В общем не то, нет, не то Степан ожидал от кухни своей новой Родины. То ли дело наваристый украинский борщ или, на худой конец, суп с грибами! А вот хек с картофелем оказался очень даже ничего. Утолив голод порцией супа, второе Степан ел уже не торопясь, смакуя и с любопытством глядя по сторонам. Правда, старания его оказались напрасны – забегаловка была самой что ни на есть заурядной. Стены окрашены в

безрадостный серый цвет, монументальная стойка бармена из мореного дуба, десяток не менее монументальных прямоугольных симметрично расставленных столов. Была она практически пуста – лишь четверка офицеров занимала самый дальний столик у восточной стены, подальше от окна.

Покончив с хеком, Степан с жадностью опрокинул в себя стакан воды и извлек сложенную вчетверо листовку, полученную от Катрин. Свод законов новообретенного мира оказался донельзя прост:

1. Дезертирство – Карается смертной казнью.
2. Мародерство – Все та же смертная казнь.
3. Изнасилование – Смертная казнь.
4. Взятничество – Смертная казнь.
5. Использование служебного положения в личных целях – Смертная казнь.
6. Убийство – Смертная казнь (исключая случаи самообороны).
7. Лжесвидетельствование – Смертная казнь.
8. Неподчинение приказам старшему по званию – Смертная казнь.
9. Выброс мусора в неположенных местах – Штраф в размере двух месячных окладов.

На этом список обрывался. Лишь в конце, в самом низу, мелким шрифтом было добавлено предписание: Степану Махрову приказано явиться завтра, в восемь утра, к контрольно-пропускному пункту дивизии для передислокации на место прохождения дальнейшей службы.

– Сурово, – хмыкнул Степан. – Но, если вдуматься, вполне справедливо. С каждой минутой этот мир начинал ему нравиться все больше и больше. Развелась зараза – выкорчуй ее, оздорови общество. Это как борьба с колорацким жуком: если не отравил его сразу, то потом сколько не проводи с ним дискуссий, сколько не убеждай, а результат будет всегда один – твоя картошка окажется съедена. Его размышления прервала подошедшая официантка.

– Вы наверное нездешний, – произнесла она, четко выговаривая каждое слово. Видно было, что русский язык не является для нее родным.

– Да, – не стал отнекиваться Степан. – Я как раз хотел спросить вас о том, как я могу оплатить обед.

– В панели стола прямо перед вами встроенный терминал. Опустите в прорезь аусвайс и плата будет изъята автоматически. Там же, на цифровой панели, вы сможете посмотреть и свой баланс.

– Благодарю вас.

Он немного отодвинулся. Искомый терминал оказался именно там, где указала официантка. Аусвайс легко вошел в прорезь и тут же выпал обратно, а на табло почти мгновенно отобразились цифры: двести девяносто восемь. Итого, значит, обед обошелся Степану ровным счетом в два рубля. Недурно, совсем недурно. Вряд ли ужин в ресторане будет стоить намного дороже.

– Большое спасибо за обед. Все было очень вкусно.

– Не за что, – на вытянутом, чуть изможденном лице официантки появилась слабая улыбка. – Может вы еще хотели что-то спросить? Обычно новички любознательны как дети.

– А есть ли в городе что-то вроде архива или библиотеки? У меня и правда много вопросов.

– Есть конечно. Информационный центр совсем рядом, буквально через пару домов.

– Еще раз огромное спасибо.

Степан хотел было расспросить официантку о том, где находится ресторан «Пальмовая ветвь», но справедливо решил, что эти знания он может почерпнуть и в инфоцентре.

Здание инфоцентра встретило его полутьмой и прохладой. Большой зал оказался битком набит столами с терминалами. В широкие лицевые панели из все того же мореного дуба

были вмонтированы плоские семнадцатидюймовые экраны. По виду мониторы весьма напоминали жидкокристаллические, но утверждать наверняка Степан, конечно же, не мог. Перед каждым монитором красовалась клавиатура с русско-немецким алфавитом, напоминающая стандартную земную. Хотя нет: при ближайшем рассмотрении она больше походила на клавиатуру от старинной печатной машинки. Клавиши нажимались с заметным усилием, затем в этом запутанном механизме что-то звякало, шелкало, и лишь потом на экране появлялась буква. Степан порядком запрел, прежде чем ему удалось разобраться с системами ввода-вывода и поиска информации. Наконец, методом проб и ошибок, он нашел ответ на первый из интересующих его вопросов: как и когда, образовалась СИР (Советская Империя Рейха). А образовалась она в июле 1946 года. Не раньше и не позже. И образованием своим она была обязана ничем иным как Великой Отечественной Войне. В принципе, люди и до этой даты перемещались из нашего мира в этот. Было даже несколько общин, точнее – мини-государств. Затем произошел так называемый «демографический взрыв» во времена Великой Октябрьской Революции. И это было неспроста. Дело в том, что сам механизм перемещения эмигрантов или, как их еще называют, «выкидышей», подразумевает огромное желание человека покинуть существующий (земной) мир. А желание такое возникает чаще всего под воздействием мощных катализаторов. Одним из основных таких катализаторов и есть войны.

Каким же был моральный облик этих эмигрантов? Сюда прежде всего попадали те, кто отчаянно не хотел войны. Никакой. Большую часть таких людей составляла интеллигенция. Далее шла прослойка «преследуемых». Под эту категорию попадали политические всех мастей, которых преследовали как в военное, так и послевоенное время. Ну и, наконец, «смертники». К «смертникам» причислялись те, кому смертельная опасность угрожала непосредственно. Была ли это пуля, граната или артобстрел – человек с определенным складом психоматрицы попросту исчезал из своего мира и переносился в мир, в котором сейчас оказался и Степан. Перемещение происходило мгновенно и практически бесшумно. И, к сожалению или к счастью, абсолютно безвозвратно. Прецедентов, чтобы «выкидыш» вернулся обратно, в свой мир, попросту не существовало.

Во времена Великой Октябрьской Революции количество перемещенных возросло настолько, что восемь существующих мини-государств при всем своем желании не могли вместить всех жаждущих. А желающих было не счесть. Белогвардейские офицеры, их семьи, «кулаки», враги народа, троцкисты, деятели науки, искусства и многие, многие другие. Что и говорить – даже одному из членов царской семьи, княжне Анастасии Романовой, к великому удивлению Степана, удалось бежать. Именно благодаря ее кипучей деятельности все существующие мини-государства были объединены в одно. Называлось новообразованное государство Великой Российской Империей и, с тех пор как княжна Анастасия Романова взшла на престол, границы его расширились далеко за пределы бывших восьми государств.

А деяния сии осуществить было очень непросто, ибо сам материк кишмя кишел местными жителями – пресловутыми сиртями. Туземцы, существа абсолютно гуманоидные, вели кочевой образ жизни и отличались крайней степенью кровожадности. Были у них свои вожди, были племена. В случае серьезной опасности племена объединялись и получалась такая мощная боевая машина, устоять перед которой не мог практически никто. Никто. Не считая княжны Анастасии...

Так вернемся же к 1942 году. Этот всплеск эмиграции был последним. Последним – и решающим. Так кто же переместился сюда за годы Великой Отечественной войны? Степан, в принципе, догадывался кто. И оказался прав. «Выкидыши» были и с той, и с другой стороны. Слишком многие люди не хотели воевать, слишком многие считали эту войну ошибкой. Огромное количество народа бежало столь нетривиальным способом из концлагерей, тюрем. Много было и окруженцев. Если верить статистике, «выкидышей» оказалось свыше двух миллионов человек. Просто грандиозное число. Степан только сейчас начал понимать, откуда

столько пропавших без вести появилось за время войны. Сколько семей потеряли своих отцов и сыновей, сколько человеческой скорби сокрыто в одной-единственной строчке: пропал без вести!!! А между тем люди эти были живы-здоровы. Только вот назад пути не было. Билет «выкидыша» – это билет в один конец. И точка.

К тысяча девятьсот сорок пятому году население Новой Земли (оказывается планета эта имела именно такое название) приблизилось к отметке в 3,2 миллиона. Благодаря стараниям императрицы Всея Руси благословенной Анастасии Романовой, славной дочери императора Николая Второго и императрицы Александры Федоровны (урожденная принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, четвертая дочь великого герцога Гессенского и герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории), все эксцессы между русской и немецкой стороной были сведены к нулю. И даже более того: сформировано новое правительство, которое мало того, что смогло удовлетворить интересы всех трех сторон, так еще и умудрилось со временем соединить в себе три абсолютно чуждых друг другу идеологии. Царизм, фашизм и социализм оказались сложены воедино, словно три части гигантского пазла.

В правительство вошли: со стороны престола – незабвенная Анастасия Романова (а к тому времени ей стукнуло уже сорок четыре года), со стороны советов – председатель нового ЦК КПСС – товарищ Гриценко, со стороны рейха – фюрер Юрген Гилленшмидт.

Примечательно, что со стороны царского дома пост в правительстве был пожизненным и передавался по наследству, а со стороны рейха и советов те же посты являлись хотя и пожизненные, но передаваться по наследству не могли. В случае смерти одного из его членов все дело решали выборы той правящей партии, которая лишилась своего лидера.

Анастасия Романова была мудрой женщиной. Личностью, возможно, намного опередившей свое время. Лишь одна она смогла спрогнозировать последствия этого шага, и теперь Империя пожинала плоды. И плоды эти не были горькими. Три абсолютно разных мировоззрения, словно животные-симбионты, сплелись воедино и повели к поистине величайшему прогрессу. Степняки, сирти, были отброшены далеко за границы Империи. Люди уже не так боялись за свою жизнь и, хотя население страны на шестьдесят четыре процента состояло из солдат, остальные тридцать шесть смогли жить вполне нормальной, цивилизованной жизнью.

Степан, читая все эти строки про райскую жизнь, наступившую на планете благодаря слиянию трех совершенно разных режимов, умом вроде бы понимал: да, такое возможно. Людей попросту приперли к стене. Не будь единого централизованного правительства – и кочевники давно стерли бы с лица земли назойливых пришельцев. Умом то он понимал, а вот сердцем принять никак не мог. Фашизм ему откровенно не нравился. Впрочем, также не нравился ему и социализм. По сути, эти режимы в его понимании являлись двумя сторонами одной и той же медали. Разница заключалась лишь в том, что Советы гноили в концлагерях свой собственный народ, а фашисты – чужой.

Не понимал он до тех пор, пока не наткнулся на мемуары самой императрицы, где черным по белому было написано: неважно какой режим стоит у руля страны, название является лишь ярлыком, этикеткой. Важны личности самих правителей, а также свод суровых, но справедливых законов, препятствующих появлению всяческой мишуры. Тех же казнокрадов, например. Еще одним признаком цивилизованного государства, писала Анастасия, является полное отсутствие бюрократического аппарата.

Чтож, с этим у них было все в порядке. Благодаря развитой компьютерной системе, а также твердым рукам трех правителей, единственным документом для каждого жителя страны стал аусвайс, совмещающий в себе паспортные, банковские и налоговые функции.

В глазах зарябило. Степан отодвинулся от монитора и сомкнул веки. Дался ему тот фашизм! Может быть стоит принимать вещи такими, какие они есть? Особенно, если они несут благо! Если уж быть до конца объективным, слить воедино все факты, которые он узнал о положении здешних дел и сравнить их с положением дел в его стране, то хваленая демокра-

тия с позором проигрывает по всем статьям. Смогли бы алчные до поживы «дерьмократы» укрепиться на чужой, враждебной планете и при этом обеспечить людям нормальную жизнь? Ох, врядли. Ну да черт с ними. У него, Степана, дел еще просто по горло. И нечего рассуждать, а то голова лопнет как мыльный пузырь от излишка бестолковых мыслей. Вот, например: который сейчас час? А вот хрен его знает! Степан часы отродясь не носил, а мобилу посеял то ли у друга-собутыльника, то ли таксист-процелыга изъял, когда вытаскивал его тушу из салона такси. А Катя (так он мысленно окрестил Катрин), ясно сказала, что будет в «Пальмовой ветви» после шести. Хотя нет – чуть позже. После шести она только заканчивает работу. И где находится эта самая «Пальмовая ветвь»? Опять набивать пальцы о клавиатуру терминала было лень. Справедливо рассудив, что язык до Киева доведет, Степан оторвал взгляд от изрядно набившего оскомину монитора и вышел на свежий воздух. Воздух его ожиданий не обманул: и правда оказался свежим, как шестнадцатилетняя девчушка. Хоть ешь его, хоть пей полной грудью – все едино!

– Уххх, хорошо!!!

Размяв занемевшие мышцы, Степан двинулся по улице, высматривая витрины магазина, где можно было бы купить такое чудо техники как часы. Наконец он нашел то, что искал: небольшой магазинчик с крошечной витриной, в которой выставлены были вещи настолько несовместимые, что поневоле брала оторопь. К примеру, рядом с бритвенным набором (в коробке был помазок, нож для бритья и круглая баночка то ли с пеной, то ли с жидким мылом), красовался деревянный каркас с натянутыми на него женскими трусами весьма впечатляющего размера. По соседству, на красной бархатной подушечке, возлежал револьвер. По виду он был почти новый. И там же, рядом, блестела луковица часов – точь в точь как в старинных фильмах: круглые, на цепочке. Циферблат прикрывается золотой (или позолоченной) крышечкой. А сверху, надо всем этим великолепием, красовалась надпись: «Скобяные товары Сары Арнштейн». Ну надо же! Что имя, что фамилия, показались Степану откровенно еврейскими и он, донельзя заинтригованный, толкнул хлипкую дверь.

Магазин и вправду изобиловал всем. Ну или почти всем. И вовсе не беда, что каждая вещь была едва ли не в единственном экземпляре. Как те же часы, например.

Познакомился Степан и с хозяйкой. Да и как было не познакомиться? Ведь сия дородная дама занимала как минимум четверть от площади самого помещения. Обрюзгшее, одутловатое лицо, складки жира, ниспадающие на шею, черные как смоль вьющиеся волосы и живые, весьма выразительные, глаза. Дама щеголяла в коротком темно-коричневом платье с натянутым поверх него белым передником – ни дать ни взять школьница на выпускном! У него отчего-то возникло стойкое ощущение, что нижнее белье, выставленное на витрине, принадлежит именно ей. И все-таки, как ни странно, вызывала эта женщина скорее симпатию.

– Тебе чего? – спросила она без обиняков на чистейшем русском.

– Часы. Ну и бритвенный прибор, пожалуй.

– И все? – дама залилась таким раскатистым, громоподобным смехом, что витринные стекла задребезжали, а невзрачный серый зверек, что сидел в подвешенной к потолку клетке, тихонько пискнул, упал на дно и больше не шевелился. Похоже, у бедняги было что-то неладно с сердцем.

Вдоволь насмеявшись, дама выбралась из-за прилавка, приблизилась к изрядно струхнувшему Степану и обошла того со всех сторон.

– Ишь ты, боец. В партизаны небось записался?

– В них.

– И тебе, значит, ничего не надо кроме часов и бритвы? – она опять захихикала.

– Да нет вроде. А что может быть еще надо?

– Ну... оружие например. Сапоги справные, одеяло. Портянки. Вот портки у тебя, – толстая рука схватила Степана за спортивные и дернула так, что тот едва успел их подхватить. –

Потеряешь портки то. На первом же кусте и оставишь. А значит что? Пояс надо. Да и вообще – не портки это, а срам один!

Степан хотел было возразить: мол, видали мы, во что партизаны одеваются, но внутренний голос немедленно повелел ему заткнуться. Зачем зря нарываться на лишние неприятности?

А престарелая фрау Сара Арнштейн (если верить магазинной вывеске) меж тем довольно прытко забежала по магазину и перед Степаном мало-помалу стала возникать довольно внушительная куча всякого барахла. Портянки, револьвер, часы (те самые, что он видел на витрине), выдавшая виды зубная щетка, пояс с российским имперским орлом на бляхе, бритвенный набор, кофеварка, широкополая соломенная шляпа, мачете с широким лезвием, ножны к нему, ватное двуспальное одеяло, моток лески, упаковка спичек, три рулона туалетной бумаги, котелок (слава Богу, новый), ложка, фарфоровая чашка с отбитой ручкой, средство для снятия лака, пара брюк цвета хаки, две упаковки патронов к револьверу, хромовые сапоги и ковбойская рубашка в клетку. Под конец бойкая старуха хотела еще всучить ему пушистые розовые тапочки с заячьими ушками, но тут уж Степан воспротивился не на шутку.

Примерочной в магазине, естественно, не было. Пришлось одеваться так, краснея под придирчивым взглядом престарелой фрау.

– Ну вот, вылитый партизан!

Степан зыркнул в зеркало и болезненно сморщился. Нет, так дело не пойдет. С тем незнакомцем, что устался сейчас на него, он решительно не хотел иметь ничего общего: клетчатая рубашка, заправленные в сапоги брюки, с одной стороны – револьвер на поясе, с другой – длинное мачете в потертых ножнах. Наиболее всего его бесила соломенная шляпа, сдвинутая сейчас на затылок. В таком виде он будет выглядеть в глазах Катрин полным кретином.

– Я это... часы возьму. И бритву.

– Точно боец. Сказал – как отрезал! – к немалому удивлению Степана старуха не возмущалась. Даже более того – в глазах ее теперь явственно читалось уважение. – За все про все семнадцать рублей.

– Включая рюкзак?

– Нет уж. Лишний хлам тебе ни к чему.

– А зачем же вы тогда...

– Много будешь знать – скоро состаришься. Проживи вот с мое в военном городке, тогда и сам от скуки волком взвоешь.

– Мдааа...

Степан расплатился и, укоризненно покачав головой, направился к выходу.

– погоди! – толстуха догнала его уже на улице, вручила увесистый пакет в лощеной бумаге. – Это тебе за моральный ущерб. Компенсация.

– Ну, спасибо.

– Удачи тебе, партизан.

* * *

Ресторан «Пальмовая ветвь», как оказалось, находился в самом центре – совсем неподалеку от комендатуры, в которой работала Катрин. С виду – точно такое же непримечательное здание, как и другие. Прямоугольный короб, покатая крыша из красной черепицы, узкие бойницы окон. Если рассматривать городок в целом, создавалось такое ощущение, что строился он по какому-то одному клише. Улицы все параллельны друг другу или идут под прямым углом, однотипные одноэтажные здания окрашены в один и тот же цвет – белый. Даже деревья, беседки и кусты расставлены строго по шаблону.

Все это было снаружи. Зато внутри ресторан Степана приятно удивил. Нет, ничего необычного, конечно. Видывал он и покруче, но, естественно, не в этом, израненном бесконечными войнами, аскетическом мире. Большой зал с нежно-лазурными стенами оказался наполнен под завязку светом, что лился из огромных хрустальных люстр, выполненных в виде цветков лотоса. Круглые стеклянные столы с резными ножками расставлены полукругом, давая возможность желающим покружить в танце посреди зала. Множество вьющихся по стенам лиан, гигантские пальмы в кадках, ненавязчивая, обволакивающая мелодичная музыка. И посреди всего этого великолепия были люди: и в военной форме, и в шикарных вечерних костюмах. Степан, в своей выдавшей лучшие времена футболке и замызганных спортивных брюках в общую картину, конечно же, никак не вписывался. Но отступить было некуда – и он двинулся напрямик к указанному портю столику.

Катрин уже была там – он увидел ее болтающей с высоким блондином и почувствовал легкий укол ревности. Девушка тоже заметила Степана, быстро попрощалась со своим собеседником и приблизилась к столику:

– Привет партизанам!

– Привет, – нет, не ошибся он при первой встрече, девушка была умопомрачительно, сногшибательно хороша. – Присаживайся, – Степан вскочил, галантно помог девушке сесть, и вернулся на свое место.

Катрин была в форме, видимо, пришла напрямик с работы. Однако это ее нисколько не портило, а даже наоборот – добавляло своеобразного шарма.

– Катюш, ты уж сама себе что-нибудь выбери. Я в ваших названиях ни бум бум.

– Хорошо, – она послушно взяла в руки меню и углубилась в чтение.

Степан тоже взялся за свой экземпляр, полистал и, не мудрствуя лукаво, выбрал картофель под белым соусом, а также порцию мяса по-мюнхенски. Катрин в свою очередь заказала какую-то загадочную курицу «семь швабов».

– Что будем пить?

– А давай русской водки?

– А давай!!!

Когда официант удалился восвояси, Катрин чуть наклонилась над столом и плутовато улыбнулась:

– Как прошел день, солдат?

– И не спрашивай! – Степан махнул рукой. – Целый день как собака на цирлах. Все местные достопримечательности изучил.

– Ну и как тебе у нас?

– Честно? Не знаю. Вроде бы и знакомо все. Люди кругом живые, дома со стенами-крышами, а не какие-то там пирамиды. Но чуждое это все. ЧУЖОЕ. – Степан мог бы добавить, что с того времени, как он оказался в городе, какая-то паническая, острая тревога поселилась в самой глубине его естества. Мешала мыслить логично. Мешала адекватно воспринимать окружающую действительность. Хотелось кричать. Просто от ирреальности происходящего.

– У тебя сейчас сложный период. И не надейся, что сразу попустит.

– А попустит ли?

– Попустит, – Катрин уверенно посмотрела на Степана. Улыбки на ее лице уже не было. – Просто ты должен притереться к этому миру, а мир должен привыкнуть к тебе.

– Я попробую. Тем более, что мне повезло, и в этом мире есть ты.

– Ну сказал тоже. Я, между прочим, совсем не подарок.

– А ты мне любая нравишься, – произнес Степан и вдруг внезапно осознал: да, так оно и есть. И не было в его словах ни доли фальши. Это же уловила и Катрин. И, когда Степан накрыл своей рукой ее крошечную ладонь, лишь вздрогнула, словно испугавшись того, что между ними сейчас происходило.

Их молчание разорвал официант. Ни слова не говоря, он расставил на столе заказанные блюда и тихо удалился.

– Хочешь попробовать мою курицу?

– Неет, – есть почему-то совсем не хотелось.

– А тебя никто и не спрашивает! – девушка нацепила на вилку кусочек и силком засунула ему в рот.

– Да, характер у тебя тот еще, – рискнул заметить Степан и был удостоен шутивого щелчка по носу.

– Так ты собираешься меня поить?

– Один момент!

Нет, никогда еще, ни в этом мире, ни в том, не было ему так хорошо. Ужин был просто великолепен. Местная водка шла легко, но почему-то вовсе не пьянила, лишь тело становилось невесомым, словно пушинка. Казалось, дунь сейчас ветерок, и они улетят. Улетят лишь в только им известное место.

– А что это у тебя такое? – ноготок Катрин постучал по увесистому пакету в темно-коричневой лощеной бумаге.

– Подарок, – многозначительно изрек Степан.

– Ух ты! Интересно, от кого?

– Да так, от девушки одной.

– Ой, ври больше! – Катрин с деланным смехом откинулась на спинку стула, а ее теплые карие глаза потемнели и перестали быть такими уж теплыми.

– От фрау Сары Арнштайн, – произнес по слогам Степан и, гордый собой, налил еще по стаканчику.

– Не может быть!

– Еще как может.

– Сара Арнштайн – закоренелая торговка и, насколько я знаю, в жизни никому ничего не дарила дороже носового платка.

– Ну а мне подарила вот. Хочешь – посмотрим вместе?

– Спрашиваешь!

В мгновение ока упаковка была снята и на свет божий появилась кобура с пистолетом.

– Парабеллум Люггера под девятимиллиметровый патрон, – с лету определила Катрин. – Глазам своим не верю!

Пистолет действительно впечатлял. В свое время Степан увлекался стрелковым оружием, а потому не мог не оценить того, что попало сейчас к нему в руки. Мощная, почти безотказная машинка. Удлиненный ствол длиной сто пятьдесят миллиметров, магазин на десять патронов. Довольно толково сконструированный выбрасыватель: одновременно с функцией удаления стреляной гильзы он играл еще и роль указателя наличия патрона в патроннике. На его боковой поверхности имелась стрелка с указателем и надпись «GELADEN» (заряжено), которая была видна лишь когда пистолет заряжен. Вообще, чертовски дорогое оружие. Степану приходилось когда-то держать в руках похожий: тоже парабеллум, правда, более ранней версии под патрон семь шестьдесят пять.

А самое приятное было в том, что пистолет, который достался Степану, оказался совсем новым. Заинтригованный, он обратился к Кате и получил вполне исчерпывающий ответ: пистолеты такие производились в настоящее время, правда, весьма ограниченными партиями и лишь на одном заводе. Действующая же армия была в основном укомплектована Вальтерами П-38.

– Шикарная штучка, – Катрин вертела в руках пистолет и никак не могла на него наглядеться. – Тяжеловат немного, но оружие и должно быть таким.

– И правда шикарная, – согласился Степан.

– Я под тебя кобуру подгоню, если хочешь.

Ну вот и все. И не надо напрашиваться в гости. Предлог сам собой объявился.

– Давай прямо сейчас? А то я тебя уже целый день знаю, а в гостях так и не был ни разу. Да и съедено уже все.

– Ладно, пошли,– Катрин не стала изворачиваться, позволила себя вывести из ресторана и даже взять под руку. Была она сейчас немного пьяна, и у Степана возникло что-то вроде угрызений совести. Дескать: благодаря алкоголю охмурил девушку. Впрочем, продолжалось это всего лишь миг. Угрызениями совести он страдал крайне редко, считая это дело бесперспективным, а порою даже вредным.

Жилище у Катрин оказалось весьма скромным. Располагалось оно в типичной постройке казарменного типа, которые были тут повсюду. Казарму просто-напросто перепланировали: разделили перегородками в полкирпича, оштукатурили, подкрасили кое-где, а потом взяли, да и нарекли апартаментами для младшего офицерского состава. Одна-единственная комната в шестнадцать квадратов со встроенной кухней-американкой, широкий диван, стол, стулья из мореного дуба и монументальный шкаф из все того же материала. То ли дуба у них просто завались, то ли такова местная мода, Степан не знал. Да и вникать в это дело особо не хотелось. Рядом с ним сидела очаровательная девушка. Степан обнял ее и почувствовал, как Катрин доверчиво прижалась к нему всем телом. И внезапно страх, преследующий его весь день, растаял, уступая место какому то теплomu, светлому чувству. Любили они друг друга сильно, неистово. Любили так, словно это было в последний раз.

Утром, когда Степан проснулся, девушки уже не было. Лишь на столе лежала короткая записка: часть, в которой служила Катрин, перебрасывали на Восточный фронт.

* * *

– Аусвайс!

Высокий, плотный немец со шмассером наперевес, преградил дорогу Степану и теперь молча ждал, пока тот роется у себя в карманах. Наконец искомый предмет был найден, постовой опустил его в приемное отверстие портативного терминала, что болтался у него на брючном поясе. Тот пискнул, на цифровом табло возникли какие-то знаки.

– Можете идти,– мгновение – и таблетка аусвайса перекечевала вновь в руку Степана.– Ваш транспорт уже стоит на седьмой площадке.

Степан не заставил себя долго ждать, поблагодарил и вышел за ворота контрольно-пропускного пункта. Седьмую площадку найти было совсем не сложно. Сразу за воротами КПП начиналась мощеная крупным булыжником пустошь. Через определенные промежутки ее пересекали белые разделительные полосы с намалеванными на них номерами. Почти вся она была запружена гужевым транспортом: разномастными телегами, тачанками. Попадались даже кареты. Степан увидел парочку и подумал, что кареты, скорее всего, играют здесь роль штабных машин. Народа тоже было немало. Он протиснулся через кучку мужиков крестьянского вида, обошел группу офицеров и оказался у площадки с искомым номером. Патрульный не соврал: там действительно уже стоял транспорт. Шестерка лошадей, запряженная в длинный, крытый брезентом фургон, тоскливо тыкалась мордами в землю в тщетной попытке найти хоть какую-то зелень.

– Здоровеньки буллы! – поздоровался возница, безошибочно угадав в Степане своего пассажира.

– И вам не болеть!

Возница ему понравился. Седой, усатый, но еще бодренький старикан ныть и жаловаться на жизнь явно не собирался. Ну чем не идеальный попутчик?

– Давай, сидай, хлопэць. Зараз ище один такой як ты бешкетнык зьяввьтсья, та й пойидемо.

Степан раздвинул полог фургона и крикнул от неожиданности – тот был заполнен почти до отказа, заполнен весьма и весьма разношерстной компанией. Такую вот «компанию» можно встретить у любого военкомата, когда призывников еще не успели переодеть и они щеголяют кто в чем. Абсолютно разные, как по стилю одежды, так и по духу люди. Единственное, пожалуй, отличие состояло в том, что возраст у многих был отнюдь уже не призывной. А хотя нет – вот оно, еще одно отличие. Сидит себе, скукожившись, словно воробушек. Тощая, какая-то вся угловатая, девчонка-подросток. Огненно-рыжая спутанная шевелюра, перепуганные глаза, очки на носу с N-ным количеством диоптрий, замызганные джинсы и разорванная на плече блузка.

Степан забрался в повозку, поздоровался и завертел головой по сторонам, прикидывая, куда бы посподручней примоститься. Выбора особого не было: пара мест у самого края да еще одно между небритым жирным боровом и мужиком средних лет в кепке пирожком. От «борова» откровенно пахло потом. От мужика в кепке – крепким перегаром. Смешиваясь, эти два запаха составляли такое неповторимое амбре, что на глаза набегали непрошенные слезы. А так как Степан не был ни мазохистом, ни экстремалом, то выбрал, естественно, место с краю. И к воздуху свежему поближе, и по сторонам поглазеть можно, если полог не полетится откинуть.

Едва он успел присесть, как появился последний пассажир. Это был совсем молодой парень лет семнадцати. Интеллигентное лицо, челка с пробором, худощавый, как и большинство подростков. В общем, ничего примечательного. Парнишка, не раздумывая, приземлился подле толстяка и закрыл глаза, словно отрешаясь от этого мира.

Не прошло и минуты, как фургон тронулся. Ехали медленно. То ли старик-возница жалел лошадей, то ли спешить было действительно некуда. Впрочем, Степана это устраивало. Он созерцал проползающие мимо них пейзажи, прихлебывал воду из фляги, позаимствованной им у Катрин, да время от времени поглядывал на попутчиков. Оценивал, анализировал каждого из них. И выводы его не были утешительными. С ним ехал «сырой материал», не бойцы. Единственным здесь, кто мог назвать себя бойцом, не покривив при этом душой, был сам Степан. За плечами три года разведбата, отнюдь не безоблачный бизнес с регулярной стрельбой и поножовщиной. До этого спортшкола, бокс.

Нет, не было среди его попутчиков бойцов. Школьники, студенты, слесаря-сантехники, музыканты, завсегдатаи пивнух – вот эти были. Да что там говорить – был даже самый настоящий эмо – неразговорчивый гнусавый парнишка с розовым шарфиком на шее. А вот бойцов не было. И о чем думали те, кто отправлял в партизанский отряд такой винегрет? Степан только диву давался да тихо матерился, сплевывая вязкую слюну в пропыленный кювет.

Новобранцы, все как один, перепуганы до предела. Некоторые молчаливы, некоторые наоборот – излишне разговорчивы. Не надо быть дипломированным психологом для того, чтобы поставить всей без исключения компании один и тот же диагноз: «синдром выкидыша».

Остановились на привал у подлеска, сходили по нужде и вновь двинулись по ухабистой дороге, потихоньку углубляясь в самую гущу леса. Степан на всякий случай расстегнул кобуру, извлек пистолет и снял его с предохранителя. Деревья здесь подходили вплотную, фургон едва протискивался между замшелыми изогнутыми стволами. Сообразить засаду в таких условиях – это как два пальца об асфальт. Завидев манипуляции Степана, вся компания настороженно примолкла. До них только сейчас начало доходить что они, в сущности, не бессмертны, и мир, который их окружает, полон опасностей и угроз. Причем не выдуманных, а самых что ни на есть осязаемых. Но, слава тебе, Господи, все обошлось. Прошло минут сорок, и фургон подкатился к массивным деревянным воротам. Сверху над ними красовался большой щит с надписью: «Имперский тренировочный лагерь имени Ивана Сусанина». Степан размял затек-

шие ноги и позволил себе скупой улыбнуться. Теперь все стало на свои места. Местное начальство оказалось не настолько тупым, как поначалу ему подумалось. Необстрелянных новичков отправили не напрямик к партизанам, а сначала в учебку. И это было правильно. Логично. Почему вместе с ними загребли и Степана? На этот вопрос ответа пока не было. Да он и не унывал особо: лишнее время, проведенное в учебке, еще никому и никогда не вредило.

Новобранцев строем провели на территорию тренировочного лагеря, на пятнадцать минут реквизировали аусвайсы. Затем была дезинфекция, душ, путешествие на промсклад, оружие, короткая лекция по правилам поведения на территории данного объекта и, в заключении, водворение в казарму. Благодаря всем этим манипуляциям, Степан (как, впрочем, и остальные его попутчики) обзавелся новехонькой, с иголки, советской формой рядового времен Великой Отечественной Войны, бруском мыла, тюбиком зубной пасты, казенным вафельным полотенцем, простеньким бритвенным станком, упаковкой носков и парой песочного цвета ботинок из кожи какого-то местного животного. Ботинки были добротными и вместе с тем легкими – идеальное сочетание для разведчика.

Но наиболее ценным приобретением по праву являлась винтовка: самая настоящая трехлинейка или, иначе говоря, винтовка Мосина. Да, оружие устаревшее, спора нет, но чертовски надежное. Калибр семь шестьдесят два миллиметра, магазин на пять патронов, съемный штык. Точность стрельбы весьма впечатляющая: гарантированное поражение одиночной цели на дистанции до четырехсот метров. С использованием оптики – до восьмиста метров. Выдали и нож: стандартный, армейский, образца тысяча девятьсот сорокового года.

Вообще Степану было невдомек: почему на вооружении Империи не стоят те же «калаши» например? Конструкция их наверняка известна. В технологии изготовления так же ничего архисложного нет. Учитывая то, как обстоят тут дела с компьютерными технологиями, научно-технический прогресс родимой Земли шагнул не намного дальше. Так в чем же дело?

ГЛАВА 2

- Рядовой Махров!
- Я!
- Выйти на огневой рубеж!
- Есть!

Степан плюхнулся брюхом на мокрую траву у метки двести пятьдесят метров и неторопливо прицелился.

- Огонь!

«Мосинка» плюнула и на мишени, прямо в центре, появилось аккуратное отверстие. Он повернул рукоять затвора влево, отвел его назад до отказа, затем единым, заученным движением дослал затвор вперед и повернул рукоятку вправо.

- Огонь!

Прозвучал еще один выстрел. На этот раз в девятку.

- Отставить стрельбу! Перейти на следующий рубеж!

Гоняли новобранцев нещадно. Причем инструкторов было едва ли не столько же, сколько самих учеников. Было это немного нерационально, но, если вдуматься, вполне логично. Таким образом улучшалось не только качество обучения, но и, несомненно, увеличивалась скорость.

- Огонь!

Степан выстрелил вновь. Опять в десятку.

- Рядовой Махров!
- Я!
- Приведите оружие в порядок и можете быть свободны!
- Есть!

Он подхватил «мосинку» и направился к столу. Теперь следовало ее разобрать, тщательно почистить и смазать. Вскоре таким же образом освобождены были еще два человека из его отделения: рядовой Радченко, рядовой Федотов, а чуть позже, что Степана нисколько не удивило, рядовой Некрасова – та самая невзрачная девушка-подросток с огненно-рыжими волосами. Несмотря на плохое зрение, стреляла она просто отменно. Что тут поделаешь? Дар божий.

Некрасову готовили на снайпера. И не смущал инструкторов ни возраст (а ей не было еще и шестнадцати), ни то, что без своих очков девушка полностью теряла боеспособность. Просто снабдили ее еще одним экземпляром очков, обязав его носить всегда при себе во избежание аварийных ситуаций и на этом все.

– Ребята, пошли в гаштетходим,– одежда на ней была вся мокрая, хоть выжимай.

– Я за,– Степан забросил винтовку за спину и в темпе принялся собирать принадлежности: протирку, шомпольную муфту, масленку, ершик, дульную накладку для чистки ствола.

– Я тоже за,– протянул, по обыкновению чуть подумав, Радченко.

Федотов просто молча кивнул.

Гаштет – по сути самая обыкновенная забегаловка на территории тренировочного лагеря, был настоящей Меккой для всего рядового состава. В этом мире солдатам, оказывается, не возбранялось в обед и вечером, после отбоя, побаловаться вином или бокальчиком холодного, как лед, пива. В разумных пределах, естественно.

До искомого заведения пропустили чуть ли не бегом. Вообще, климат на этой планете, с точки зрения Степана, был излишне жарковат. Под гаштет была отведена четвертая часть длинного здания неподалеку от КПП. Остальную часть его занимала столовая. Причем, что интересно, была она общей – как для солдат, так и для офицерского состава.

Помещение встретило приятным полумраком и долгожданной прохладой. Компания немедленно плюхнулась за ближайший столик и блаженно расслабилась. Подошла официантка, молча приняла заказ и удалилась, повиливая узкими бедрами, обтянутыми короткой форменной юбкой.

– Как думаете, сколько нас тут продержат? – произнес Федотов.

– Может месяц, может два, а может и все полгода,– Радченко взял со стола салфетку и вытер вспотевший лоб.– Пока готовы не будем.

Степан перечить не стал. Была у него одна мыслишка, но делиться ею ни с кем пока не хотелось.

– А почему вы думаете, что выпустят всех одновременно? – подала голос девушка.

– В смысле?

– Инструктора к нам присматриваются. Смотрят: кто на что способен, у кого к чему склонности имеются,– она буквально читала мысли Степана.– Опять же, уровень подготовки у всех разный. Нет, не выпустят нас всех сразу.

– Как раз НАС – выпустят,– Степан намеренно сделал ударение на слове «нас».– И окажемся мы, скорее всего, либо в одной группе, либо расфасуют нас по аналогичным группам из других отделений.

– Почему ты так думаешь?

Их разговор невольно прервала официантка: быстро расставила бокалы с пивом и удалилась под восторженные взгляды Радченко с Федотовым.

– Ладно, давайте рассмотрим кандидатуры каждого из нас. Итак: Некрасова у нас снайпер. Так?

– Так,– не стала спорить девушка.– Только меня Женей зовут.

– Очень приятно, Женя. Я Степа.

– И мне. А вас как?

Радченко привстал со стула и представился:

– Юрий.

– А я – Игорь! – Федотов первым подхватил бокал. – Давайте, за знакомство!

Выпили. Похрустели орешками, благо они были тут бесплатными и прилагались к пиву как неотъемлемый аксессуар. Затем Степан продолжил:

– Вот ты, Игорь, на средние дистанции стрелок просто отличный, а в ближнем бою боец из тебя никакой. Юрий же наоборот: в ближнем бою – опасный противник, а стреляет посредственно. И отпустили его сейчас с нами лишь потому, что толку от его стараний на стрельбище ровным счетом никакого. Каждый человек имеет свой предел, планку в той или иной сфере деятельности.

Спорить никто не стал. Незачем спорить, если все, сказанное Степаном, верно от первого до последнего слова.

– А ты? – Женя поправила упавшую на глаза челку. – Ты какой боец?

– Ну... – затруднился с ответом Степан. – Скажем так. Универсальный. Почти.

– А так бывает?

– Бывает. Ближний бой, средний бой. При необходимости могу за снайпера.

– Понятно, – сказал Юрий. – Ты как футболист на скамье запасных. В случае смерти кого-то из нас становишься на его место.

– Можно и так сказать.

Тут в разговор вклинился Игорь:

– Степан, а ты сам как думаешь, надолго мы здесь застряли?

– Месяца на три. Примерно. Насколько я понимаю, дела у них на фронтах сейчас не очень, каждая минута дорога. Да и инструктора настоящие профессионалы. За это время из сырого материала с хорошими задатками можно сделать вполне приличных бойцов.

– Понятно, спасибо.

Они опять налегли на пиво. Каждый думал о чем-то своем. Степан, например, думал о том, что, пожалуй, инструктора слишком спешили. Шутка ли – едва новобранцы успели переступить ворота лагеря, получить обмундирование и оружие, как их сразу же взяли в оборот: спортзал, пятнадцатикилометровый кросс, стрельбище... Похоже, здесь действительно не привыкли тратить времени понапрасну. Он потянулся к луковиче часов, купленных в свое время у старой торговки: почти девять. Еще час, и на улице будет совсем темно. Интересно, какие здесь звезды? Смешно конечно, но за все время пребывания в этом мире он так и не удосужился хотя бы раз поднять глаза к небу.

– Может, еще по пиву?

– Нет, лично мне уже хватит, – Степан вернулся к реальности и посмотрел новыми глазами на тех людей, с кем ему, скорее всего, придется идти рука об руку по тернистым дорогам войны. Радченко Юрий. Вот он, сидит перед ним, здоровый, неповоротливый как бульдозер. С виду – лет тридцать-тридцать пять ему. Наверняка бывший борец. Говорит мало. В основном слушает и молча мотает на ус. Игорь Федотов. Этому больше двадцати не дашь. Умное, интеллигентное лицо. Телосложение среднее, стрижка ежиком и вездесущие прыщи: на лице, руках, шее – в общем везде, куда только можно дотянуться взглядом. Ну и, конечно, Женя Некрасова. Ее он успел разглядеть как следует еще раньше, в повозке. Тощая, плоская как доска девочка-подросток лет пятнадцати от роду, а быть может и того меньше. Кожа белая, веснушчатая. Яркая огненно-рыжая шевелюра и очки с круглыми стеклами в тонкой никелированной оправе. Волосы у Жени доходили до плеч и являлись самым что ни на есть демаскирующим фактором. Вот, пожалуй, и все. Разве что, возможно, добавят парочку новых людей. Специфику партизанской войны Степан знал хорошо и то, что в данном тренировочном лагере готовят именно компактные диверсионные группы, понял сразу еще по методам тренировки.

– Пойдемте в столовую.

– Так, может быть, лучше тут поужинаем?

– Я пас,– Степан с кряхтением поднялся со стула. Тело, вымученное дневными тренировками, мстило теперь ноющей болью во всех конечностях.– В столовой кормежка бесплатная, а в гаштете придется отдавать свои кровные.

– Ой, да ладно! Максимум два рубля! – Женя, казалось, не на шутку поразились скарденности Степана. Но тот был непоколебим:

– Тут два рубля, там два рубля, и ходи потом с голой жопой. Нет уж, увольте!

Он встал из-за стола и побрел к выходу в гордом одиночестве. На самом деле скрягой Степан никаким не был – просто в голове крутилась все это время какая-то мысль, дельная до невозможности. Он хватал ее за хвост, пытался удержать, но эта зараза умудрялась ускользнуть вновь и вновь. Неуловимая, словно солнечный луч. Степан отчетливо понимал, что что-то упускает, точнее – упускают инструктора в своих толковых и чертовски интенсивных тренировках. А потому денежка ему еще пригодится. На что? Пока хрен его знает. Но то, что карман запас не тянет – так это точно. Сидел в столовой, жевал полевою кашу с котлетой, запивал все это дело компотом из сухофруктов, а упрямая мысль все равно не возвращалась. В конце концов плюнул и решил завтра по свободе вновь посетить информационный центр.

Когда Степан покинул столовую, на улице уже было темно. Вместе с темнотой пришла и благословенная прохлада. Он жадно вдыхал полной грудью чуть сладковатый, ароматный воздух, брел себе по аллее куда глаза глядят, да время от времени поглядывал на небо. А на небе сияли звезды. И не было среди них ни единой, которую Степан смог бы опознать.

Казарма встретила его храпом и тихими всхлипами. Кто-то из «перемещенных» плакал. Плакал о той, прошлой жизни. А может быть ему пришлось не по душе чужие звезды?

* * *

– Отделение подъем!!!

Ну вот и начался новый день. Степан мгновенно вскочил, напялил на себя гимнастерку, брюки и уже не спеша, явно рисуясь, шнуровал боты. А почему бы и нет? По времени он так и так был первым.

– Слушай мою команду! – вещал темноволосый инструктор с четырьмя звездами на погонах (ну надо же – целый капитан!). – Делаем кросс в двадцать пять километров по пересеченной местности. Налегке. Кто сойдет с дистанции – двое суток потом чистит сортир. Вопросы есть?

Вопросов не было. Был конечно один вопрос – насчет завтрака. Но, как водится, никто его озвучивать не стал. Лишь немой солдатский укор курился в воздухе над головой капитана, да где-то там, за окном, весело цвиринькала какая-то птаха. Уж ей то утренний кросс наверняка не светил!

Бежали хорошо, слаженно. Бежали так, словно этим только и занимались всю жизнь. Степан не переставал удивляться: как так? Люди то вроде и по годам, и по физической подготовке разные, а вот поди ты – продолжают себе бежать, как ни в чем не бывало. Бежит даже девчушка Женя. Свои рыжие патлы сколола в хвост. На лице – выражение непомерного упрямства. Нет, такая ни за что не отстанет. А может быть все дело в том, что люди сюда попадают определенного склада? А почему бы и нет? Степан на месте тутошнего руководства тоже бы так делал – брал, да и фасовал «выкидышей»: того в диверсионную группу, того в регулярную армию, того в дворники, а того так вообще дегустатором на спиртзавод. Он улыбнулся своим мыслям и как следует наподдал, обгоняя конкурентов одного за другим. Обогнал и инструктора – капитан лишь молча указал рукой направление движения. До чего же хорошо! Как же ему этого не хватало!!!

– Не гнал бы ты так, а? – Юрий Радченко, натужно пыхтя, поравнялся со Степаном, и они побежали бок о бок. – Тут такое дело. В общем, посоветовались мы с ребятами вчера, когда ты ушел.

– И как? Надумали что?

– Надумали. Решили форсировать события и уже сейчас начать проситься в одну группу. В принципе, Степан ничуть не был удивлен. Он и сам хотел предложить подобное.

– Понимаешь, – продолжал между тем Юрий, – в отделении мы лучшие. Так?

– Так.

– А кому ты готов доверить прикрывать свою спину? Профессионалу, или человеку, который не в курсе с какой стороны ствола может вылететь пуля?

– Ну вообще-то до профессионалов вам всем еще далеко, – авторитетно заметил Степан. – И насчет того, что кроме нас в отделении одни бездарности сидят, тут ты тоже погорячился. Большинству, для того чтобы раскрыться, требуется время. А вот относительно всего остального – да, ты прав. Вам бы свою спину я доверил.

– Договорились, значит.

– Договорились.

Степан замолк и сосредоточился на ритмичном дыхании.

Местность, по которой продвигался отряд, постепенно понижалась. Изменялся и лес: среди сосновых пород все чаще и чаще стали попадаться лиственные. Запахло свежестью, нос Степана безошибочно уловил близость воды. И правда – очень скоро они выбежали к берегу небольшого озерца. Вот она, конечная точка их маршрута! С ходу искупались, попадали кто где и удовлетворенно расслабились, нежась под лучами теплого июльского солнца.

Внезапно подумалось о Катрин. Как она там, воюет на Восточном фронте, такая вся из себя хрупкая, тонкая как тростинка? А он, здоровенный боров, распластался на пляже, вывалил кверху мохнатое брюхо и принимает солнечные ванны. А потом побежит обратно в лагерь и будет опять гонять балду то на стрельбище, то на уроках по рукопашному бою и саперному делу. По большому счету, Степану все это обучалово было и на фик не нужно. Зачем, спрашивается, в сотый и тысячный раз делать то, что и так доведено до автоматизма? Повинуясь мгновенному импульсу, он вскочил и направился к инструктору.

– Товарищ капитан! Разрешите обратиться!

Инструктор сидел на берегу, по-мальчишески свесив ноги в теплую, чуть мутноватую воду и отрешенно наблюдал за тем, как их покусывает любопытный малек.

– Валяй.

– Считаю мое дальнейшее пребывание в тренировочном лагере бесполезным и прошу направить меня на Восточный фронт.

– О как! – капитан даже не поднял глаз. Казалось, личность малька интересовала его гораздо больше, чем личность самого Степана. – И чем ты аргументируешь свою просьбу?

– Я достаточно подготовлен для ведения боевых действий.

– И все?

– Так точно!

– Аргументация какая-то у тебя не полная.

К капитанской ноге подплыл малек побольше. Скорее даже не малек, а престранная колючая абракадабра.

– Укусит, товарищ капитан!

– Если не шевелить, не укусит.

«А ведь он совсем еще молод» – подумалось Степану, глядя на скуластое загорелое лицо с безмятежными голубыми глазами. Лет двадцать пять, не больше.

– Продолжай. Что там у тебя?

– Девушка там у меня.

– Ясно. А я-то грешным делом подумал, что это у тебя патриотизм пробудился.

– Так неоткуда ему пока взяться, патриотизму то! Я в вашем мире без году неделя.

– И то правда, – капитан подумал с минуту, а потом медленно, словно нехотя, продолжил, – к девушке ты своей на фронт не попадешь. Это раз. Сегодня вечером получишь сержантские лычки и назначение на место командира диверсионной группы – это два. В тренировочном лагере ты находишься не просто так, а подбираешь в свою собственную группу подходящий контингент – это три.

– А почему меня раньше об этом никто в известность не поставил?

– А зачем? – удивился капитан.

– Ну... я бы не теряя времени контингент подбирал.

– Так ведь подобрал уже, – он протянул руку к гимнастерке, извлек из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги. – Вот утвержденный перечень группы.

– Могу я ознакомиться? – сейчас Степану очень хотелось, чтобы та рыбина, которая приглядывалась к мизинцу инструктора с чисто гастрономическим интересом, сделала свое черное дело.

– Да пожалуйста! Рядовой Юрий Радченко, рядовой Игорь Федотов, рядовой Некрасова. Я не ошибся в Ваших предпочтениях?

– Нет, пожалуй, – буркнул Степан.

– Так же командованием было решено усилить группу рядовым Алексеем Рядновым и Дмитрием Бавиным.

– Понятно. Когда выдвигаемся?

– Через неделю. Все инструкции получите позже.

Время близилось к обеду, когда отряд, вконец разморенный после купания, вернулся на территорию лагеря. Степан первым делом метнулся в столовку, а затем уже, с набитым брюхом и новыми мыслями в голове, заглянул в информационный центр. Итак, сирти. Кто они? Правильно, кочевники. Какое оружие они используют в бою? Компьютер исправно выдал: оружие дальнего боя – лук; оружие ближнего боя – короткое копьё с серповидным обоюдоострым наконечником. И все. Ни топоров, ни метательных ножей. И до арбалетов либо еще не доросли, либо устои их общества настолько патриархальны, что начисто отвергают все новое. Каковы их тактика и стратегия в бою? Тут Степана ожидало кое-что интересное. Оказывается, до образования Империи СИР тактика сиртей была крайне проста: собирается пара-тройка племен, седлают своих пегих низкорослых лошадок и с криками и гиканьем несутся по полю напрямик на стан врага. А вот после, когда новоорганизованная Империя стала на ноги и нанесла им несколько убедительных поражений, кочевники стали гораздо расторопнее. Во-первых, со всем тщанием подбирали теперь наиболее уязвимые участки обороны. Во-вторых, долой лошадки, да здравствует пеший строй. И мало того: едва по ним открывали огонь из автоматического оружия – сирти тут же падали наземь и наступали уже ползком, пядь за пядью приближаясь к траншеям своего исконного врага. В-третьих, нападать стали чаще всего в ночное время суток. И тактика эта, надо сказать, давала весьма и весьма ощутимые результаты. Последние три года Империя терпела поражение за поражением. Границы ее непрерывно сужались. Не катастрофически, но зато с завидной регулярностью. Кто бы мог подумать, что какие-то кочевники с реликтовым оружием найдут, что противопоставить пуле!

– Так, – Степан почесал затылок и уставился в монитор осоловевшими глазами. – Вывод какой?

А вывод плавает на поверхности. И прост он до безобразия. Кочевники на дальних и средних дистанциях противники никакие. А вот ближние дистанции – это да, их конек. «Коронка», так сказать. Каким оружием располагает Империя в ближнем бою? Рядовой армейский состав, практически поголовно, вооружен винтовками Мосина. Автоматы можно не считать – процент

их весьма невелик. А значит штык, штык и еще раз штык. Штык у винтовки Мосина довольно своеобразный: четырехгранное лезвие с долами*.

–

*Дола (дол), также дола, от общеславянского корня dol – яма, низина – желоб, продольное углубление на лезвии, предназначенное главным образом для его облегчения с сохранением прочностных характеристик.

–

Крепеж – трубка со ступенчатой прорезью и пружинной защелкой. Крепится все это дело даже не к ложе, а прямым к стволу. Отсюда вопрос: надо ли такое чудо-юдо Степану? Нет, не надо. Его проще вообще снять, чтобы не утяжелять винтовку. Как по его скромному разумению, так лучшего оружия для ближнего боя чем черкесская шашка времен Кавказской войны, не найти. А поэтому придется самолично заказывать опытный образец в местной кузне. За свои кровные, разумеется. Выходит, не зря экономил на платных гаштетных обедах, предпочитая давиться сытной, но чертовски однообразной кухней бесплатных столовых. Да, пожалуй, с этого надо начинать. Помещение инфоцентра Степан покидал в приподнятом настроении. Появилась цель – работай на ее осуществление. И будет тебе счастье.

Кузня в лагере действительно была. А так как Степана не трогали, давая, видимо, прийти в себя после нового назначения (которое, по сути, официально еще объявлено не было, но инструктора все как один были в курсе), то он решил не откладывать дела в долгий ящик и прямым направился туда.

Вообще территориально кузня находилась не в лагере, а в средних размеров деревеньке, что прилепилась совсем неподалеку в плодородной, цветущей низине. Названия деревенька не имела, так как по сути являлась придатком тренировочного лагеря имени Ивана Сусанина, но в народе называлась уменьшительно-ласкательно: Сусанинка. Ходу до нее было километра полтора, и жили там в основном семьи инструкторов да обслуживающего персонала. Оказалась она очень привлекательной: аккуратные кирпичные домишки, покрытые «шубой» разнообразных цветов и оттенков, крыши украшены где резьбой, где лепниной. Огороды – вообще разговор особый. Нигде ни бурьяничка, грядки ровнехонькие, словно под линейку деланы. А уж сколько всего растет аппетитного – просто не передать словами!!! Он даже замедлился, а потом и вовсе остановился у высокой яблони с крупными красными плодами. Ветви ее свешивались далеко за пределы деревянной оградки, как бы всем своим видом зазывая одинокого путника совершить один из тягчайших смертных грехов – кражу.

– Оххх, хороша!!! – невольно вырвалось у Степана, и он судорожно сглотнул набежавшую мигом слюну.

– Спасибо! – ответили ему тонким девчоночьим голоском, и из-за кустов смородины, что росли прямо подле яблони, высунулась сначала замызганная мордашка, а затем и сама ее обладательница – вся из себя такая тонкая, вертлявая, небольшого росточка (может по грудь Степану, а может и того меньше). Вызывающе короткое ярко-оранжевое платьице плотно облепает ладную фигурку, длинные загорелые ноги выставлены на всеобщее обозрение и обуты в какое-то подобие сандалий, сплошь состоящих из тончайших серебристых ремешков. В широко распахнутых изумрудных глазах ни капли скромности. Наглые они у нее, хитрющие. Прямо безобразие какое-то! Девчонка повертелась перед ним, давая возможность по достоинству оценить все до единой ее прелести, ланью перемахнула через оградку и, бесцеремонно схватив за руку Степана, потащила его прямым к яблоне.

– Подсади!

– Что? – не понял тот.

– Подсади, говорю!

Она раздраженно топнула ножкой и попробовала самостоятельно вскарабкаться по прямому, как стрела, стволу. Безрезультатно, естественно.

- Ну, ладно, – Степан подхватил девушку за талию. Была она легкой, почти невесомой.
- Отпускай теперь. Ишь как вцепился то!

Нет, ну что за характер! И это ей не так, и то не этак! Степан отпустил наконец девчонку и тупо глазел, как она лопает яблоки. Одно за другим, словно конвейер.

– Лови, неудачник! – пущенное меткой рукой яблоко больно тюкнуло его по плечу. Оказалось оно сочным, с кислинкой. Точно таким, вкус которого помнился с детства. Степан прикончил его и потребовал еще одно. Потом еще и еще.

Из дверей дома, во дворе которого росла яблоня, вышла плотная краснолицая женщина с корзиной, доверху наполненной бельем и принялась развешивать его на длинной бечевке. Степан приветливо махнул ей рукой и поздоровался. Та поначалу близоруко прищурилась, а затем медленно поставила корзину наземь и зашла в дом. Что случилось потом, он до конца осознать так и не успел. Гулко грохнул выстрел и место пониже спины пронзила такая волна жаркой боли, что лишь титаническим усилием воли Степан заставил себя не потерять сознание. Девушка сверху испуганно вскрикнула, в мгновение ока спрыгнула на землю и рванулась было в сторону под прикрытие кустов. Но грохнул еще один выстрел. Платье на спине девушки окрасилось кровью, ее слегка повело, но на ногах она устояла.

- Бежим! – шепнули побледневшие губы пострадавшей.

И они побежали. Но что это был за бег! Степан едва мог переставлять ноги. Зад его просто горел, каждый шаг казался настоящим подвигом. Так они и брели: он, расставляя ноги в раскоряку, в обнимку с хрупкой девушкой, которая хотя и была тоже ранена, но, тем не менее, помогала ему идти. А вдогонку им неслошь:

– Вот стерва! Мало того, что сама каждый день мои яблоки таскает, так теперь еще и хахаля своего привела!!!

* * *

Нет, такого стыда Степан не испытывал ни разу за всю свою сознательную жизнь. Девушка только на первый взгляд казалась сонной и малолюдной. Люди, заслышав выстрелы и брань, повылазили из каждого двора и теперь с неприкрытым интересом следили за развитием событий. Глазели, сплетничали.

- Ишь ты, ты только погляди, какого себе Нюрка хахаля отхватила!
  - А он ничего себе, статный. Только спину как-то крючковато держит.
  - Тако тебе бы солью в задницу зарядить, небось так само б скрючилась!
- Стыдно, ой как стыдно! Хоть волком вой.

– Нюрка, слышь, Нюрка, а тебе куда попали? В какое срамное место? В заднее, или переднее?

- А ухажера где такого нашла? Он не из здешних вроде как.

Девушка изредка огрызалась, но в основном шла, понуриив голову да закусив до крови нижнюю губу. Степан тоже брел молча. Горело лицо, горели уши. Хотелось провалиться сквозь землю – пускай даже в лапы самого дьявола. «Вот и сходил к кузнецу. Вот и сходил к кузнецу. Вот и сходил к кузнецу» – вертелась в голове одна и та же мысль.

- Куда мы идем? – тихо прошептал он на ухо девушке.
- Ко мне домой.

- А про нас ничего такого не подумают?

– Все, что можно было подумать, они уже подумали, – прошипела Нюра. – Топай, давай скорее, ухажер.

Жизнь в деревне скучна и однообразна – такой Степан сделал вывод, когда увидел, что народ за их спинами даже и не думал рассасываться. Наоборот: за ними теперь шла настоящая процессия. И пополнялась она все новыми и новыми людьми. Новичков терпеливо вводили

в курс дела, смакуя разнообразные подробности произошедшего инцидента и на разные лады расписывая его участников.

– Пятнадцать минут позора и мы дома, – пробормотала Нюра.

– Ты всегда с таким эскортом домой ходишь? – спросил Степан, желая хоть как-то уязвить девушку за то, что она втянула его в эту занятную историю.

– Почти. Я же не виновата, что такой красавицей уродилась.

– Ага, так это нас за твои красивые глазки солью сейчас угостили? Или все-таки за ворованные яблоки?

– Ой, да замолчишь ты наконец или нет? И так тошно.

Степан замолчал. Замолчал, и мысленно представил себе, как сегодня на торжественном представлении его к сержантскому званию он будет стоять на плацу перед строем в позе «зю», а потом долго объяснять начальству, что, дескать, стоять прямо он не в состоянии по сугубо техническим причинам. На душе стало еще гаже.

Дом его новоявленной знакомой оказался почти на окраине села. Был он неухожен, сер. «Шуба», некогда нежно-розового оттенка, давно потекла, краска на оконных рамах облупилась. Даже огород – и тот был дик и запущен, лишь кое-где сквозь непролазные бурьянные дебри осмеливались выглядывать головки подсолнухов, да пара-тройка розовых кустов источала сладковатый, присущий только им аромат. Калитка протестующе скрипнула и отворилась, когда девушка наподдала по ней ногой.

– Заходи, давай и в сенях разуться не забудь.

Нюра первая вошла в дом. Следом, буквально наседая ей на пятки, протиснулся Степан. Уж очень не хотелось ему лишний миг стоять на виду у злоязыкой толпы.

В доме оказалось на удивление чисто и аккуратно. Все вещи на своих местах, потолок и стены свежевыбелены. Ни пылинки, ни соринки. Ничего такого, в чем можно было бы упрекнуть малолетнюю хозяйку. Удивительнейший контраст со всем этим наружным безобразием! А так ли уж она малолетняя? Может Степана обманул ее небольшой росточек да лукавая мордашка, измазанная опять же ворованной смородиной? Он обернулся к девушке, желая проверить свое предположение, и увидел что та лежит на полу недвижима. Вот черт! Ругая себя на чем свет стоит, Степан перенес бездыханное тело на диван и прислонил голову к груди. Нет, сердце девушки еще билось. Наверняка она держалась из последних сил, а затем, укрывшись от деревенских зубоскалов за спасительными стенами родного дома, позволила себе наконец потерять сознание от боли. Осторожно, стараясь не потревожить раненую спину, он снял с Нюры платье. Теперь лишь узкий треугольник трусиков белел на ее прекрасном, но таком хрупком шоколадном теле. Да, досталось ей здорово. Вся нижняя часть спины была усеяна мелкими красными точками. А внутри этих точек находилась соль. Именно она, растворяясь весьма медленно, и являлась источником той невыносимой боли, которую они сейчас испытывали оба.

Степан пулей метнулся к срубам колодца, который он заприметил еще при входе в дом, принес оттуда ведро кристально-чистой воды и, найдя первую попавшуюся тряпку, принялся осторожно промывать спину своей новой знакомой. Та слегка пошевелилась, но глаз так и не открыла. Управившись, Степан прикрыл тело девушки простыней, а затем, стараясь не шуметь, наносил воды в большой медный таз, разделся и медленно опустил в него свой зад. Невероятное, ни с чем не сравнимое блаженство!!! Он так и сидел бы в нем вечность, ощущая, как боль толчками покидает измученное тело, но, как назло, глаза девушки распахнулись и в них вновь запрыгали озорные бесенята. Смеялась она так заразительно, что Степан сам не выдержал и тоже захохотал.

– Ой, я не могу! Ой, ты только посмотри на себя!

Да, зрелище было еще то. Даже боль на время отпустила. Все еще посмеиваясь, девушка вскочила с дивана, небрежно смахнула простыню и, ничуть не смущаясь своей наготы, засуетилась у печи, раздувая угли да ставя на разогрев какую-то снедь в закопченном котелке.

– И ни стыда у тебя нет, ни совести,– констатировал Степан и заставил себя оторвать взгляд от ее небольшой упругой груди с темными кругляшками сосков.

– И не говори! – притворно вздохнула Нюра.– Кашу пшеничную будешь?

– Буду,– он выбрался из таза и натянул спасительные штаны. После всех треволений и вправду захотелось есть.– А родители твои где?

– Сватать меня никак собрался? – ушла от ответа Нюра.

– Мала ты еще для сватания. Просто хотел присоветовать им пороть тебя почаще, чтобы ума-разума набралась. Государыня-розга для некоторых несносных дев наилучший учитель.

– Ой, да ладно тебе, мне уже пятнадцать.

Поставив на стол пару глубоких тарелок да миску с малосольными огурцами, Нюра сжалась наконец над ошалевшим Степаном и натянула-таки на себя короткий бежевый топик. Чтож, и на том спасибо.

– Ах, ну да, ты же «выкидыш»! То-то я смотрю – такой дикий.

– И что? – не понял Степан?

– А то, что я, можно сказать, уже в старых девах засиделась. В нашем мире замуж выходят начиная с четырнадцати лет.

– Ничего себе!

– А чему тут удивляться? Не успеешь замуж выйти да ребенка родить, как глядишь, а мужа твоего уже в армию забрали. Хорошо если вернется. А если нет?

Вот теперь Степану стало ясно каким образом Советская Империя Рейха умудрилась выстоять на ногах, окруженная со всех сторон многочисленными враждебными племенами. И дело здесь было не только в технократическом преимуществе Империи перед полудикими сиртями. Просто в этом климате девушки созревали рано, рано выходили замуж и рожали детей, тем самым нормализуя демографическую обстановку, давая фронту все новых и новых солдат.

Как бы то ни было, а в голове все равно не укладывалось, что пятнадцатилетняя девчонка может быть полноценной женщиной. Чугунная была голова у Степана. Напичканная разнообразными морально-этическими нормами далекого, когда-то родного, но с каждым днем все более и более чуждого мира.

Горячая каша рассыпана по тарелкам. Появился на столе и хлеб: длинный калач с прожаристой хрустящей коркой. Они ломали его руками, обжигались пахнувшей дымком пшеничной кашей и молчали. Девушка временами чему-то улыбалась. Красиво улыбалась, светло. Она очень приглянулась Степану. С самого начала, еще у яблони. Он уже поневоле сравнивал ее с Катрин – и это пугало. По-настоящему.

– О чем задумался? – Нюра посмотрела на Степана так внимательно, словно надеялась заглянуть в самые потаенные уголки его души.

– Да так. Думаю, вот каким образом выстоять вечером перед строем. Мне сержанта должны дать.

– Понятно,– глаза ее внезапно погрустнели, остыли. Холодным северным ветром повеяло из них.– Группу поведешь значит на сиртей?

– Не сразу, но поведу,– не стал отнекиваться Степан.

– Не ходи! – Нюра бросила свою пшеничную кашу, вскочила и быстро-быстро зашептала ему на ухо.– Не ходи. Убьют тебя там. Не ходи, ну пожалуйста, не ходи!!!

– Да что случилось то?

– Не ходи! Не ходи! Не ходи! – она уже почти кричала. Девушку начало колотить, слезы дождем закапали из широко распахнутых глаз.

– Успокойся, глупая!– он посадил ее к себе на колени и обнял.– Да я сам кого хочешь убью. Посмотри, какие у меня большие руки!

– Не ходи! Не ходи! – Нюра плакала, льнула к груди Степана и тихо поскуливала, словно щенок, которого больно ударили палкой. Он баюкал ее, шептал какие-то глупые, банальные слова...

Наконец малышка уснула. Степан уложил ее на диван, укутал байковым одеялом и тихо, на цыпочках, вышел в сени.

Деревенский люд уже рассосался, посчитав, видимо, представление законченным. Лишь двое старушек судачили у калитки о чем-то своем.

– Слышишь, служивый! – окликнула его одна из них, когда он проходил мимо.

– Что?

– Ты это, Нюрку не обижай то. Сирота она. Родителей у ней в один день на войне убило.

– Не обижу, – пообещал Степан и прибавил ходу. Настроение было хуже некуда.

– А Глафира-то дура набитая. Шутка ли, из-за каких-то там яблок молодку нашу чуть не скалечила! – донеслось из-за спины, и Степан понесся не чуя под собой ног. Он бежал и от себя, и от паскудного мира. Бежал, словно это могло хоть что-то изменить.

К построению Степан успел. Стоял на плацу с прямой как стрела спиной. Вышел из строя, получил сержантские лычки из рук все того же знакомца-капитана, тоекратно гаркнул, как полагается, «служу Советской Империи Рейха» и, наконец, был отпущен восвояси. Боли не было. Точнее была – никуда она не делась, родимая, но Степан ее сейчас попросту не чувствовал. Он словно замерз изнутри, покрылся коркой векового арктического льда.

– Постой, – капитан нагнал его уже у стены казармы. Видно было, что инструктор в курсе всех Степановых походов. – Тебе бы в санчасть показаться, – начал он издалека.

Степан согласно кивнул.

– И девушку свою не обижай. У нее родители на фронте погибли. Оба.

– Я в курсе.

– Потому и шебутная такая она, – отчего-то виновато добавил капитан.

– А у вас за воровство по закону смертная казнь положена.

– Положена. Прикрываем мы ее. Глупо из-за пары яблок молодую голову на плаху ложить.

– Глупо, – опять согласился Степан. – Ну я пойду?

– Идите, сержант.

И Степан пошел. Куда глаза глядят. Пошел – и оказался у гостеприимно распахнутых дверей гаштета. Его группа сидела за одним из столиков. Вся, в полном составе. Включая Алексея Бавина и Дмитрия Ряднова. Они о чем-то оживленно беседовали и не сразу его увидели. Степану, впрочем, такое невнимание к своей персоне было только на руку. Он забился в самый темный угол, заказал бутылку русской водки без закуси и принялся поглощать ее стакан за стаканом, бездумно глядя в пространство пустыми, стеклянными глазами. Затем свои его наконец заметили. Бросали взгляды украдкой, судачили, но подойти так никто и не решился.

Утро Степан встретил в казарме. Как он добрался туда – один Бог ведает. А, впрочем, кто знает, ведает ли? Он поднялся с кровати, привел себя в порядок и быстро оделся. Предстояло идти в штаб на встречу с куратором группы.

Старший лейтенант Фридрих Подольский принял его безо всяких проволочек. Лишь неодобрительно поморщился, когда Степан, не подумав, выдохнул в его сторону перегаром.

– Твоим дыханием хоть ракету заправляй да прямиком в космос, – произнес он и придвинул к себе блокнот. – Пожелания какие-то будут относительно вооружения группы?

– Будут. Мне бы гранат побольше, тройной боекомплект под винтовки, пулемет да глушителей пару штук. И еще, – Степан замялся, не зная стоит говорить или нет. А впрочем, эх, была ни была! – Не нравятся мне эти штыки на винтовках. Для ближнего боя шашки хочу. Адыгейские.

– О как! Загнул так загнул,– лейтенант усмехнулся в усы. Были они у него не какие-то там а-ля Адольф Гитлер, а самые что ни на есть казацкие, матерые. Даром что наполовину немец, а поди ж ты, ну прямо вылитый хохол с картины, где казаки письмо турецкому султану писали.

– Было-было, но чтоб такое диво заказывали... нет, не припомню. В общем так,– он прищурил левый глаз словно прицеливаясь,– будут тебе гранаты, будет и тройной боекомплект под винтовки. Из пулеметов могу выделить «Максим».

– Такое старье? Да он еще и весит немерено!

– Ну что ты как дитя малое, ей Богу? На треноге он. Съемной. Английская версия. Так что насчет избыточного веса можешь не беспокоиться. Теперь что касается глушителей. Тут такое дело,– лоб старлея пошел морщинами,– как бы тебе так объяснить, чтобы доходчиво было? Короче, сирти – кочевники. Так?

– Так.

– Дипломатических отношений у нас с ними никаких. Послов наших в свое время они всех порезали. Но... диктовать нам свои условия сирти могут. И делают это весьма успешно.

– Не понимаю,– честно признался Степан.

– Ну смотри. Допустим, начинаем мы применять пушки или крупнокалиберные пулеметы. И какие контрмеры, по-твоему, предпринимают сирти?

– Какие? Хмм. Ну разбегаются по кустам и делают ноги куда подальше.

– Если бы,– усмехнулся лейтенант и потянулся за пачкой сигарет, что лежала от него по правую руку на столе. «Кэмэл» – прочитал Степан на упаковке со знакомым верблюдом на желтом фоне матушки-пустыни.

– Короче: убегать то они сначала убегают. Тут ты прав. Но потом собирают чертову прорву племен, прорывают оборону на каком-либо участке фронта и идут лавиной, сжигая за собой мирные деревни и веси, поголовно изничтожая на своем пути все живое. Даже скотину в хлевах – и ту режут.

– А если мы применяем, так сказать, «разрешенное» оружие?

Старлей зажег сигарету и жадно затянулся:

– В этом случае боевые действия ведутся в основном на фронтах и не настолько активно. Если хочешь знать мое мнение – сирти ведут войну либо исключительно забавы ради, либо, чтобы доказать, что они настоящие воины. И всякие там хитроумные штучки, которые используем мы, унижают их чувство собственного достоинства и заставляют относиться к нам не как к равным по силе противникам, а как к смертельной болезни. Как к вирусу. Что делаем мы, когда подхватываем опасный вирус?

– Мобилизуем все силы организма.

– Правильно. И глотаем кучу мощнейших таблеток, стремясь локализовать его как можно быстрее.

Степан прошелся по комнате взад-вперед, осмысливая и систематизируя новую для него информацию. Наконец он подал голос:

– Значит, получить глушители мне не светит...

– Да. Не нравится сиртям, когда смерть приходит из ниоткуда.

– Но без них ни о какой скрытой зачистке не может идти и речи.

– А ты пользуйся тем, что есть. Ножи, штыки. Руки наконец!

– Ладно, ну а как насчет шашки?

– Шашка – разговор особый. Дело в том, что до тебя еще никто не пытался пустить ее в дело.

– Почему?

Лейтенант пожал плечами и завертел в пальцах новую сигарету:

– Думаю ты и сам понимаешь, обучать личный состав владению шашкой – дело долгое и хлопотное.

С таким заявлением Степан не мог не согласиться. Сам он занимался с адыгейской шашкой уже лет восемь. Уж очень полюбились ему это стремительное и грозное оружие. О том, что будет если шашка попадет в руки необученного новичка – страшно было даже подумать.

– А себе? Себе я могу заказать шашку?

– Исключительно под твою ответственность и за свои кровные. И учти – кузнец за такую работу мало не попросит.

Впринципе, ничего нового. Степан так и думал. Ведь не зря же он вчера отправлялся в деревню на поиски того самого неуловимого кузнеца!

Договорились, что Степан со своей командой в четырнадцать ноль-ноль зайдут на оружейный склад, получат пулемет, четыре цинка к нему, двадцать четыре противопехотных гранаты, двести пятьдесят патронов под «мосинку» да запасной оптический прицел. Попрошались тепло: куратор Степану понравился – нормальный такой мужик.

На улице погода стояла пасмурная. Степан вышел из расположения штаба, вдохнул полной грудью влажный предгрозово-воздух и, посвистывая, пошагал на своих двоих в сторону приснопамятной деревни Сусанинка. Настроение у него было хоть куда. Пострадавший зад, словно сжалившись над недотепой-хозяином, притих, напоминая о себе лишь время от времени неприятными, но уже не такими яростными приступами острой боли. Степан уже и не понимал, почему его так потрясло вчерашнее происшествие. Ну жаль, конечно, девочку: потеряла родителей, живет одна, сама как палец. А как она трогательно переживала о нем! А еще она красивая – услужливо подсказал внутренний голос. Очень красивая!!! Степан резко остановился, словно напорвшись на бетонную стену. Стоп! А куда это он, в сущности, так спешит? К кузнецу, так сказать, по делам службы или к этой девчонке с несносным характером, которая наверняка втравит его в какую-то новую историю с непредсказуемыми последствиями? Так, давайте рассуждать логически. Если уж говорить откровенно, положив руку на сердце, то делами служебными он только что как раз и проманкировал. Что нужно было сделать перед тем, как идти к кузнецу? Правильно: произвести смотр своей группы, каждому поставить определенные задачи и либо самому проследить за их выполнением, либо, на крайний случай, назначить вместо себя ответственного. Вот может ответить Степан чем сейчас, сию минуту, занимаются его подчиненные? Нет. Водилось ли ранее за ним такое свинство? Опять-таки нет. А значит что? Да ничего! Ерунда все это! Степан сплюнул, засунул все свои логические построения куда подальше и продолжил движение в сторону искомой деревни. К кузнецу он идет. Ясное дело, к кузнецу.

* * *

Ливень начался как-то внезапно. Вроде и готов был к нему (эвоно как тучи нагнали), а все равно даже вздрогнул, когда вместо робких первых капель, как обычно водится на его Родине, небо окатило целым ушатом воды. А потом еще и еще. Мать Божья, что за кавардак! Степан, как следует, поднажал и сквозь пелену дождя увидел первые дома деревни. Так. Где живет кузнец? Вопрос конечно интересный. Спросить бы кого. А, впрочем, зачем? Не проще ли сначала зайти к своей вчерашней знакомой, узнать, как она там, а затем уже, всем вместе, пойти к кузнецу? Тем более что Нюра наверняка знает дорогу. Ноги сами понесли его по известному маршруту. Не прошло и десяти минут, как показался ее дом. Степан потянул на себя калитку, вошел и, старательно обходя лужи, приблизился к двери. Постучать, чтоли?

Дверь распахнулась сама собой. Резко, едва не зашибив при этом Степана.

– Ой, прости! – девушка стояла на пороге с пустым ведром.

– Гостей принимаешь?

– Принимаю. Куда же их деть? Только пусть «гости» воды наносят.

«Гости», впринципе, не возражали.

Посреди комнаты был накрыт стол. Все как полагается: белая скатерть, расписная посуда и даже пара свеч горела на вычурном бронзовом подсвечнике.

– Давай я тебе одежду отцовскую дам.

Степан не возражал. Форма промокла насквозь, неприятно липла к телу. Да и на полу, куда бы он ни ступил, обязательно образовывалась лужа. Он заставил Нюру отвернуться, снял с себя все мокрое, обтерся как следует полотенцем и облачился в белую холщовую рубашу с широким вырезом на груди, да военного кроя черные брюки. Одежда сидела как влитая: словно с него, Степана, кто-то тайком снял мерки, а потом взял, да и пошил ее.

Нюра одобрила. Повертелась вокруг, поправила что-то сзади и, наконец, торжественно пригласила его к столу. Сама же, пока Степан сидел, вывесила форму на просушку, а затем принялась быстро-быстро рассыпать по блюдам разнообразную снедь да заставлять ими праздничную скатерть.

Чего там только не было! Картофель с дольками жареного лука, какие-то салаты, сыры, колбасы. Было даже блюдо с вареными раками – те с неодобрением таращились на Степана, словно именно он являлся виновником их преждевременной гибели. Степан взгляды раков тактично игнорировал. Он больше тайком поглядывал на Нюру – уж очень соблазнительно выглядела сегодня девушка. Венцом всех кулинарных изысков по праву стал гусь. Он расположился на большом подносе посреди стола: поджаристый, ароматный, весь из себя какой-то монументальный, словно памятник неизвестному гурману. Степан с гусем понравились друг другу с полувзгляда. Поэтому, не долго думая, он подхватил со стола нож и...

– Куууда??? – увесистая деревянная ложка ударила его прямо по костяшкам пальцев.– А ну прочь!

– Это еще почему? – огрызнулся Степан и хотел было вновь повторить попытку, но был остановлен все тем же варварским способом.

– А шампанское кто разливать будет?

– Ну, ладно, – он послушно взял в руки большую бутылку из толстого зеленого стекла.

– погоди минутку, – девушка вышла в соседнюю комнату. Прошло не так много времени, и она вернулась в роскошном вечернем платье. Было оно строгого черного цвета и так подчеркивало стройную фигурку Нюры, что от нее попросту невозможно было отвести взгляд. Нет, не девочка стояла сейчас перед Степаном. Женщина. Женщина с большой буквы.

– А вот теперь шампанское! – Нюра присела за стол напротив Степана, донельзя довольная произведенным эффектом.

Он молча разливал шампанское по бокалам. Вот тебе и пигалица! Вот тебе и девочка-малолетка!

– За что пьем?

– Давай за встречу, – она игриво повела обнаженными плечами. – Кстати, яблок не хочешь?

– Нееет! – Степан едва не поперхнулся. – До конца жизни мне их хватило!

Они оба засмеялись. Шампанское с непривычным кислотатым привкусом то ли крыжовника, то ли чего-то более экзотического, пилося очень легко. Выпили еще по бокалу и принялись за пищу. Первым пострадал, естественно, гусь. Степан вонзил нож в долгожданную добычу, разрезал его на удобоваримые куски. Один из самых красивых положил на тарелку Нюры.

– Кстати, просвети меня, если не сложно, ты зачем яблоки у той тетки воровала? У тебя во дворе точно такая же яблоня стоит!

– Чужие – вкуснее, – авторитетно заметила Нюра. – Да и тетка, если честно, противная до безобразия. Я вот у нее еще всю смородину съем! – пообещала она и Степан ей поверил. Эта – может.

Пили, танцевали под музыку, что лилась из старенького граммофона. Потом опять пили. И опять танцевали. Степан обнимал девушку, вдыхал аромат ее волос, легко касался губами тонкой грациозной шеи. А потом они целовались. Долго. Наслаждаясь каждым мигом своего обоюдного существования.

– погоди! – он с трудом оторвался от Нюры и бросил обеспокоенный взгляд на циферблат часов. – Мне же к кузнецу попасть надо, а потом на склад – оружие получать.

– Ну надо так надо. Только мы с тобой толком так ничего и не съели. А я все утро готовила.

– Сегодня обязательно все съедим. Вечером. Когда со всеми делами управимся.

– Ладно, – легко согласилась Нюра. – Хочешь, вдвоем к кузнецу сходим?

– Да я и сам хотел тебе это предложить, – признался он. – Давай только приберем продукты по-быстрому, чтобы ничего не пропало. Где у тебя тут холодильник?

– Холо кто?

Ну надо же, ляпнул не подумавши. Вот и выкручивайся теперь!

– Хо-ло-диль-ник, – произнес по слогам Степан. – Ну место, где продукты хранятся, чтоб не протухли.

– В подполе и хранятся. Только надо все по глечикам обратно из тарелок порассыпать да крышками накрыть. А что, у вас подпол холла-диль-ником кличут?

– Все нет, – Степан улыбнулся и, глядя в пытливые глазенки Нюры, понял: на этот раз ему не отвертеться. Придется отвечать. – Короче механизм такой. Машина. Двигатель работает, гоняет по трубкам в стенах холодный газ, который фреоном называется. Поэтому внутри холодильника всегда холод. А в морозилке – так вообще лед!

– Ух ты! – Нюра восторженно запрыгала на месте. – То есть если на улице лето, а ты вдруг соскучилась по зиме, то просто заходишь в холла-диль-ник? А в ма-ра-зил-ке можно вообще по льду кататься?

– Да, – не стал разубеждать ее Степан, догадываясь, что подобные расспросы могут затянуться до вечера.

– Какие же люди в твоём мире все-таки дураки! – сделала неожиданный вывод девушка. – Ну это же надо – такую красоту кастрюлями загромождать! Построили бы лучше себе подполы, а в холло-дильни-ках и маара-зил-ках отдыхали!

– Так мы идем к кузнецу или нет в конце-то концов?

– Конечно, идем! Ты давай продуктами займись, а я схожу, переоденусь.

Она упорхнула и вскоре вернулась в своем оранжевом платье – том самом, которое было на ней, когда он увидел ее впервые. Наваждение кончилось. Теперь перед ним стояла девчонка-подросток. Женщина исчезла, оставив о себе лишь воспоминания и какую-то сладкую, щемящую боль в груди.

– Там форма твоя уже высохла, наверно. Сейчас принесу.

Степан спустил в подпол последний казан, вымыл руки.

– И вправду высохла!

– Спасибо, – он принял из рук Нюры свою одежду.

Солнце палило немилосердно, лужи исчезали прямо на глазах. Словно и не было его, сумасшедшего тропического ливня. Они шли по деревне, взявшись за руки. Причем Нюра напустила на себя такой серьезный, «взрослый» вид, что сразу же становилось понятно: идет не какая-то там пигалица, а женщина вполне серьезная, едва ли не мужнина жена. Со встречными она здоровалась степенно, важно и, что самое интересное, они ей отвечали тем же. Бросали заинтересованные взгляды на Степана, оценивали и, похоже, далеко не в худшую сторону. О вчерашнем, «яблочном» инциденте, никто не напоминал.

Дом кузнеца стоял прямо посреди деревни. Основательный, почти вдвое больше дома Нюры. К правому боку его прилепилась приличных размеров пристройка, из трубы которой,

несмотря на жару, валили плотные клубы дыма. «Кузня» – догадался Степан и оказался совершенно прав. Нюра протащила его за калитку и повела напрямиком к кузне, мимо многочисленной ребятни – повизгивающей, бегающей взад-вперед, а то и путающейся под ногами. Дверь в пристройку была распахнута, а в глубине ее суетился громадных размеров детина с оголенным торсом.

– Дядя Гена, а я вам заказчика привела!

– Ишь ты! – кузнец оторвался от переключивания каких-то металлических чушек и с улыбкой на черном от копоти лице направился к ним.

– Здорово, бандитка!

– И никакая я вам не бандитка! – тут же умудрилась обидеться Нюра.

– Ладно-ладно, – он шутливо поднял кверху руки, а затем, подойдя поближе, протянул одну из них Степану для рукопожатия. – Вильгельм, – представился детина и, поймав удивленный взгляд последнего, пояснил: – многие Геной кличут, да мне то оно все едино!

– Степан, – ладонь у кузнеца оказалась крепкая, мозолистая.

– Так что там у тебя?

– Да шашку хочу себе. Адыгейскую.

Кузнец от такого заявления потерял дар речи. Его черные кустистые брови сошлись на переносице:

– Это что еще за диво такое?

Степан, как мог, объяснил. Видел: не поняли они друг друга. Тогда попросил лист бумаги и нарисовал, обозначив размер лезвия, длину рукояти, а также и толщину самого клинка. Обратил внимание на глаза кузнеца – с каждой минутой они разгорались все сильнее и сильнее в предвкушении новой, а оттого и вдесятеро более интересной работы. Несомненно, творческим человеком был кузнец. Даром, что черты лица словно вытесаны из камня. Ну да разве же это показатель?

Долго договаривались о сроках. Степану клинок нужен был позарез – очень уж хотелось испытать его в первом бою. Наконец сошлись на шести днях.

– Сколько я вам буду должен? – задал он самый щекотливый для себя вопрос.

– За материал – триста рублей. Да плюс работа. Сколько за работу – сам не знаю пока. Покумекать надо.

– Понятно, – уныло произнес Степан. У него-то на счету всего где-то около двухсот пятидесяти оставалось.

– Что, не хватает?

– Нет. Новый я человек в этом мире.

– Ничего, наживешь еще! – кузнец добродушно улыбнулся. Давай сколько есть, а там уж вернешь со временем понемногу. А что не из нашенских ты – так это я сразу понял.

– Возьмите.

Аусвайс Степана переключивал сначала в ладонь Вильгельма, а затем в компактный настольный терминал, который имел любой уважающий себя подданный Империи.

– Негусто конечно.

– Я доплачу, – вклинилась в их разговор Нюра.

Кузнец даже оторопел поначалу, а затем коршуном набросился на девушку:

– Это с каких таких гвоздей ты собралась за него доплачивать? А может он проходимец какой? Да и вообще, раньше в приступах меценатства ты вроде бы как замечена не была!

Нюра стремительно побледнела, а затем, справившись с волнением, тихо прошептала:

– Так люб же он мне, дядя Гена.

Вильгельм посмотрел на Степана очень внимательно. Было в этом взгляде все: опасение, злорадство, грусть, неясная ревность... Много, очень много выражал сейчас взгляд кузнеца!

– В общем так,– после недолгой паузы произнес он медленно, с расстановкой.– Я хочу чтобы ты знал, залетный. Знал – и был предупрежден,– голос его зазвучал глухо, словно из бочки.– Нюра для меня – что дочь родная. И если ты обидишь ее, вольно или невольно, клянись, что где бы ты ни был, в какую бы щель не забился – достану я тебя отовсюду. А когда достану – с живого сдеру шкуру и сделаю из нее вот такие меха,– он махнул рукой куда-то в сторону.– Я ведь не только кузнечных дел мастер, но еще и кожевник неплохой.

– Не беспокойся,– Степан твердо посмотрел ему в глаза.– Не обижу я твою девочку.

Кузнец поверил. Так, по крайней мере, казалось на первый взгляд. Лишь поинтересовался будничным уже голосом:

– Давно встречаетесь?

– Вчера познакомились,– Нюра потупила было взор, но затем глаза ее весело заискрились: – А сами то вы с тетей Антониной как в первый день познакомились, так на третий уже и свадьбу сыграли! Вон сколько ребятни теперь вокруг бегают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.